

18+

Андрей Караичев

1-я рота

ПРЯМАЯ ВИДИМОСТЬ

Осужденная... курсант

(Обе части)

Андрей Караичев

**Прямая видимость.
Осужденная... курсант**

«Издательские решения»

Караичев А.

Прямая видимость. Осужденная... курсант / А. Караичев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-598450-0

Судимость, заработанная в юности, когда за действия отвечает не разум, а гормоны, способна перечеркнуть всю жизнь, невзирая на то, что человек с годами часто меняется. Правительство решает провести эксперимент: дать шанс оступившимся! В спецучилище с военным уклоном набираются девушки, отбывавшие ранее наказание в колониях для несовершеннолетних; им обещается полная реабилитация при успешном завершении обучения. Эксперимент обещает получиться если и не слишком удачным, то интересным — точно!

ISBN 978-5-00-598450-0

© Караичев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Спецучилище	6
Глава 2. Добро пожаловать!	15
Глава 3. Осужденная... курсант	22
Глава 4. Горегляд	31
Глава 5. Не суди, сам не судим будешь	43
Глава 6. Вострикова	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Прямая видимость Осужденная... курсант

Андрей Караичев

© Андрей Караичев, 2023

ISBN 978-5-0059-8450-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Спецучилище

Смог от природных пожаров спал, Москва остывает от изнурительной жары, до рассвета осталось не больше часа: пробки рассеялись, честные трудяги отдыхают, поезда и те, кажется, стараются меньше стучать железными колёсами по рельсовым стыкам. Но в высоком правительственном кабинете, недавно созданного «Министерства воспитания и патриотизма» (МВП) работа кипит, непрерывная деятельность чиновников пошла на вторые сутки! В помещении не стихающий ропот, шелест бумаги, точнее – документов, то и дело передаваемых из рук в руки; звенят ложки в стеклянной таре с подстаканниками, часто падают дорогие авторучки на недешёвый ковёр. Под монотонную ауру, самого взрослого человека всё-таки сморило – засопел; его никто не тревожит, он действительно много сделал и устал, без шуток.

Наконец, раздался звонок «красного телефона».

Относительно молодой министр МВП – Корольков Виталий Павлович, бегло оглядев соратников из ГУФСИН, МВД, Минобороны и Минобрнауки, поднялся с кресла и, дрожащей от волнения рукой, снял трубку.

– Что решили, даём шанс оступившимся? – Поинтересовался с той стороны провода, знакомый целому земному шару голос.

– Так точно! Мы всё определили, пришли к согласию с коллегами... осталось уточнить детали, в частности, в каком регионе открывать училище? В кандидатах оставили три города из разных областей.

– Берите Ростовскую.

Хоть человек «из телефона» и произнёс это тоном, не терпящим препирательств, министр «МВП», вероятно, плохо соображая от перегрузки, уточнил:

– Почему именно там?

– Видите ли, – дружелюбно отозвался начальник начальников, – ввиду известных событий, эту область ныне знает весь мир. И помните – это ваша личная идея, в случае успеха – ждите награды! Достойной награды. В случае неудачи... одной отставкой не отделаешься.

– У нас всё получится, я уверен!

– Это хорошо, что вы решительно настроены. Жду документы. – Выдержав паузу, верховный попрощался, – до свидания. – Короткие гудки.

Положив трубку, Виталий Павлович обратился к коллеге из Минобороны:

– Что ж, готовьте свою, заброшенную часть из Водопьяновска к приёму первых курсантов.

– Сделаем!

Той ночью... скорее, тем утром, в казённом кабинете решалось, на чью сторону пойдёт перевес в давно начавшейся, мировой, медийной войне.

Несколько ранее энергичный и полный энтузиазма начальник «Министерства воспитания и патриотизма» внёс неординарное предложение лично президенту, – «На фоне того, что Россия, во многом незаслуженно, имеет в мире статус „каторжной“ страны, её до сих пор попинаят прошлым с пресловутыми ИТЛ, Сталиным, Иваном Грозным и т. д. забывая при этом упоминать про свои „ФБТ“¹ и „Алькатрас“, предлагаю создать у нас в стране экспериментальную колонию для преступниц. Для тех гражданок, кто совершили ошибку молодости, попали в пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних. Только мы должны создать колонию, где слово „исправительная“ – водрузится не пустым, а самым прямым и важным термином, её сутью! Иными словами, после обучения в нашем экспериментальном училище, девушки, а в случае успеха мы включим в программу и мужчин, пройдя определённые воспи-

¹ Федеральное бюро тюрем (в США).

тательные меры, смогут жить полноценной жизнью, вплоть до поступления на службу в МВД или армию, невзирая на прошлые судимости. Станем переводить узниц, достигших совершеннолетия, не в колонию для взрослых (естественно, если срок осуждения не истекал ранее совершеннолетия), а к нам! Приоденем их в армейскую форму, примемся обучать по спецпрограмме, по воинскому уставу, вести активную воспитательно-трудовую и образовательную работы. Прикрепим к ним как сотрудников и сотрудниц из ГУФСИН, так и воспитателей из категории военнослужащих. Конечно, деталей и нюансов выпадет много... если вы одобрите моё решение, я берусь их тщательно проработать в максимально сжатые сроки!»

Глава государства подумал несколько дней, посоветовался с близким окружением и дал добро.

Разумеется, брать в новое учреждение собирались далеко не всех, решили начать именно с девушек, тех, что совершили преступления в несовершеннолетнем возрасте (после подняли планку поступления до 20 лет). Оправдывалось это так: человек, идя на глупость, утрировано говоря, – в шестнадцать, к двадцати трём годам может в корне измениться, стать новой личностью! Но оплошность, сделанная в юности, когда за поступки отвечает не разум, а бурные гормоны, в нашем случае – это заработанная статья, оно закрывает многие двери перед вчерашней арестанткой. Жизнь, на многие годы, особенно после «ИК», часто даёт крен, и изменить будущее – нельзя, причём – это без срока давности. Вот и решил министр МВП дать «опальным» девочкам шанс, создать некую «колонию-гибрид», совместив «исправление и наказание» с военным училищем. Неординарная задумка сопряжена со множеством трудностей, однако обо всех тонкостях выяснится по ходу повествования.

За славным городом Водопьяновском, известным дивной историей, как казачьей, военной, милицейской, так и, к сожалению, криминальной, находится брошенная с развалом СССР армейская часть. В «лихие» годы она подверглась знатному мародёрству, сперва от самих расформированных и брошенных на произвол судьбы служивых, вытащивших всё, до последнего противозаза, затем от местных алкоголиков и тунеядцев, сдавших на металлолом даже арматуру из бетонных заборов. Некогда стратегические строения разбирались «на кирпичи» юркими «бизнесменами» малого пошиба. Добили в прошлом образцовую часть бездомные, жившие там кучками, да наркоманы с малолетками и сектантами. Что поделывать? Такое время стояло на дворе: «90 – е».

Планы взять «на хозяйство» пустующую территорию имел много кто: и бизнесмены, и политики, и преступный лидер Водопьяновска – Велес. Чего только не хотели предприниматели создать на месте бывшего «секретного объекта»: завод, ферму, кадетский корпус, заводчик и т. д. Но! словно прокляли ту воинскую землю. Кстати, подобные слухи по городу ходили достаточно долго, мол, командир части, которого после расформирования попросили исполнить «яблочко вприсядку на выход», перед тем как застрелиться, навёл посмертное проклятие на утраченные владения. Слухи муссировались вплоть до последнего времени, пока, наконец-то, из развалин, буквально за год, не возвели новенький, до поры тайный объект. Впрочем, тогда домыслы и сплетни сменились на иные, – якобы там задумали проводить либо испытания секретного оружия, либо разбитые инопланетные тарелки изучать.

Прошло-то двенадцать месяцев, как идею министра «МВП» одобрил глава государства, но уже практически всё подготовили для приёма «курсанток-арестанток», осталось решить кадровые вопросы, отобрать тех девушек, что составят контингент, доделать косметический ремонт и прочие, бытовые мелочи.

К сентябрю две тысячи двадцать четвёртого года спецучилище обязалось принять первую партию девушек из колоний для малолетних (частично набрали и из взрослых, до 20 лет вклю-

чительно), достигших совершеннолетнего возраста, как из нашей страны, так и из дружеских республик.

К началу августа 2024 – го штат сотрудников практически укомплектовали, начальником «исправительно-воспитательного спецучилища с военным уклоном №1» назначили генерал-майора БерЕзина (без «ё» в фамилии), который с прошлого года пребывал в запасе. Но-о... о нём вспомнили верные друзья с большими погонами, они помогли вернуться, пусть на своеобразную, да службу, всерьёз считая, что недавний пенсионер справится с поставленной задачей лучше остальных кандидатур. Плюс – с учреждением на должность, Николай Потапович получил звание генерал-лейтенант.

Березину, хоть большинство кадровых вопросов решилось без него, захотелось иметь в штате своего, проверенного человека. Таковых, как и друзей – много не бывает. К счастью, есть один мужчина, тоже военный, тоже с недавних пор «в запасе», настоящий, боевой офицер: он ещё срочником поучаствовал в войне 2008 – го года (Цхинвал), затем подписал контракт и понеслись многочисленные командировки по «жарким местам». Не считая огромного доверия к капитану Старохватову, генерал ценил в нём и другое качество: Богдан мог спокойно на камеру журналистам высказаться от души, рубануть правду-матку! В то же время никого из командиров и не подставить! Учитывая, что в новом училище представители СМИ из разных концов мира ожидаются частыми гостями, согласитесь – это качество – бесценно! И потом, последним подразделением, которым Старохватов командовал в очень горячих странах, был как раз отдельный взвод девушек-снайперов! Так что опыт работы с женщинами, у капитана запаса имеется. Исходя из вышеуказанного, генерал-лейтенант вызвал своего человека в училище из Ростова-на-Дону. Не без препирательств (всё-таки в запасе), Богдан Николаевич явился в Водопьяновск для собеседования с начальником «спецобъекта».

Старохватов сам родом из здешних мест! Он давно не посещал любимый Водопьяновск, потому не спешил с автовокзала к недавно отстроенной воинской части (бывшей), в прежних развалинах которой, подростком, Богдан нередко проводил время с друзьями: жёг костры, пробовал впервые пиво, помаду с губ сверстниц и далее по списку. Да, город изменился за десять лет! И как ни странно, в лучшую сторону: новостройки, парки, озеленение, чистые аллеи, нет ни одной сломанной лавочки или урны рядом с ними; никаких пакетов, парящих на уровне ног, что ветром сдувало раньше с открытых и переполненных мусорных контейнеров; алкашей в кустах или загаженных углов и прочего безобразия. Одним словом – красота! Душа капитана радовалась, пела от вида того, как его родной город, некогда пришедший в упадок, славно преобразился.

Наконец, Богдан добрался за город к «Исправительно-воспитательному спецучилищу с военным уклоном №1», причём – пешком, это заняло более двух часов. На «КПП» офицера запаса (пока) заждались дежурные, однако впускать бравого вояку не торопились: тщательно проверили документы, сверили фото с лицом, обыскали при помощи металлоискателей и личного досмотра «по старинке». Это скорее обрадовало Старохватова, нежели огорчило, да, «шмон» малоприятная процедура, всё же восхищало – порядок и дисциплина в учреждении на уровне. Записав данные посетителя и, попросив сдать того на время «опасные» предметы вроде складного ножа и связки ключей (хорошо ремень со шнурками оставили), его проводили до кабинета начальника училища.

Путь предстоял относительно долгий: штаб расположили в центре, дорога к нему от восточного ККП (главного) в западном направлении составляет около пятнадцати минут. – «Хоть трамвай пускай!» – отметил про себя Старохватов.

Сопровождающий офицер, пока шли, организовал лёгкую экскурсию Богдану, то ли от скуки, то ли начальник приказал. Территория училища достаточно большая, красивая, ухоженная: никаких развалин, гор мусора; много тропинок, лавочки с урнами, фонтанчики,

словно здесь санаторий, а не исправительное учреждение! Плац блистательно ровный, «снаряды» на полосе препятствий ярко выкрашенные, равно как бордюры, деревья и всё остальное. Перед административными зданиями обосновали небольшую чайную, за ними (к западу) большая котельная с передовым оборудованием, библиотека, клуб, актовый зал и тому подобное.

Березин с искренней радостью встретил своего человека в кабинете, приобнял того потцовски, потряс за плечи, рассмотрел гостя с головы до ног: капитан выглядит бодро, весело, словно вернулся из заграничного курорта, ничто не говорит о недавнем, месячном запое Старохватова. Да, Богдан лихо приложился к бутылке! Он запил после возвращения из последней командировки (горячей точки), когда узнал: жена подала на развод, вышла замуж за лучшего друга, с восьмилетней дочкой общаться хоть и не запретила наотрез, всё же старалась свести их контакты к минимуму.

Генерал, заказав по селектору у секретарши горячий чай и лёгкий перекус на двоих, пригласил младшего товарища за стол.

Богдан бегло осмотрел кабинет Николая Потаповича: просторный, потолки высокие, обстановка весьма дорогая и солидная, в то же время – «неуставная», слишком уютно здесь, если бы не суровый генерал в кожаном кресле, в изголовье которого висит портрет президента, да не стол для переговоров с заставленными в него стульями, можно было бы подумать – это люксовый номер в элитном отеле. Березин – среднего роста офицер: волосы седые, подстриженные под «тройку»; лицо его, руки плечи и ноги – худые, только появилось небольшое пузо, «трудовая мозоль», оно несколько портит картину, хотя нисколько не влияет на прекрасную военную выправку воинского начальника. Говорит генерал одновременно и ласково, и строго, главное – с участием! От солдата до полковника, любой, с кем бы ни общался Николай Потапович, ощущали себя «важно» от его манеры речи, могли смело сказать, что говорили со старшим товарищем, а не придирчивым самодуром, за это его больше уважали и любили подчинённые (вполне заслуженно). Недавно генералу стукнуло шестьдесят лет, настолько он и выглядит внешне, редко кто путал истинный возраст Березина.

Николай Потапович, проводив взглядом секретаршу (чуть пониже спины), что расставила с подноса стаканы и тарелки, улыбнулся капитану и спросил:

– Догадываешься, что это за место?

– Разное болтают, – безразлично пожал Богдан плечами и отпил чай, – мне больше нравится версия, якобы здесь отгрохали «секретный объект» по типу Кап-Яра, собираются сбитые тарелки пришельцев изучать.

Генерал рассмеялся.

– Да, народ наш любит басни сочинять, того не отнять. Полно! Слушай, что здесь на самом деле и зачем я тебя, собственно, выдернул из дома.

Начальник «спецобъекта» долго и детально расписывал Старохватову историю открытия училища, задумку властей, перспективы данного места и так далее.

– Обучение будет проходить три года, – заканчивал историю Николай Потапович, – первый год – «пробный», типа карантина, два оставшихся – «с наукой», все выпускницы получают среднее специальное образование, или иное, этот вопрос ещё на обсуждении.

– А если у кого уже есть такое? – уточнил капитан, – средне специальное?

– Ну, будет два! Высших же бывает два?! Ой, откуда у них оно? Когда присели по малолетке? Хотя кто их знает? Может, в колонии и получили образование какое. Не суть, не нашего оно ума дело. Так или иначе, кто выдержит, после нашего «спецобъекта» сможет поступить с привилегией в военное училище или даже милицейское, и получать там высшее образование, снова жить на казарменном положении. Отклонились мы от темы! Короче, мне нужен такой человек, как ты! Кому я могу доверять, как себе. Что скажешь?

Капитан наделано прокашлялся:

– То есть вы хотите взять бандиток, которые уже прошли первичную, уголовную подготовку в МЛС, переодеть их в форму, обучить навыкам стрельбы и рукопашного боя и иным хитростям военно-диверсионной работы, обнулить их судимости и выпустить в мир? Отличная идея! Хочешь, угадаю, какой именно министр это придумал?

– Не паясничай! – хлопнул Березин по столу, – каждый имеет право на второй шанс! И потом, не собираются же к нам присылать всех подряд, лишь тех, кто заслуживает шанса, кто исправляется.

– Горбатого могила исправит! – отмахнулся Богдан, – с детства на таких насмотрелся, да и на срочной службе: когда в Цхинвал попали, было у нас пару бойцов с судимостями, мародёрить побежали первым делом... в дисбат отправили их потом.

Генерал пропустил возмущения офицера мимо ушей:

– Не нашего оно ума дело... по существу имеешь вопросы?

– Если училище и правда хорошее получится? Я вон к вам шёл, думал, в санаторий приехал! Дело в другом, вот, станут ваши воспитанницы довольно известными, я ж так понимаю, снимать их нередко станут журналисты?

– И чего? Тебе завидно? Так, я тебя для этого и позвал! Ну, в том числе и для того, чтобы с прессой общаться, так как ты никто больше не можёт! Вроде и рубанул правду-матку, в то же время никого не подставил.

– Я не про то! – сломал Старохватов в кулаке сушку и бросил кусочек себе в рот, – станут они популярными, «курсантки-арестантки» ваши, не боитесь, что тогда найдётся куча дурочек по стране, кто захочет в ваше училище попасть? Проще говоря, специально совершать преступления, дабы загреметь на «малолетку», потом оттуда и сюда?

Березин закашлялся от услышанного, сам о подобном размышлял не раз.

– Не нашего оно ума дело, повторяю! Полно! ближе к сути, чего, как гражданский себя ведёшь? Согласен к нам ротным воспитателем пойти? Обещаю, к тебе зачислят только тех девочек, кто на «малолетке» был, не успел на «взрослую зону» попасть, а две будут из «вольных».

– Не понял, это как?

– Уже зачислены некоторые особы, – прохрипел и, поправив галстук, пояснил Николай Потапович, – думаю, две из них к тебе определить, выберешь там: кого из них «замком»² сделать, кого каптёром или чего там придумаешь. Они уже своё отсидели по «малолетке» и вышли на свободу, поскольку биография подпорчена, девочки решили её исправить путём поступления в наше учреждение! Министр МВП подумал и решил – это знатная идея! Но сидеть... тьфу ты! учиться у нас они будут на общем положении, правда, с той разницей, что при отчислении они вернуться не в МЛС, а домой, с ещё более угробленной биографией. «Вольные» и станут твоей опорой! Ох, – перешёл начальник на шёпот, – ну, интересный же эксперимент, согласись. Сам бы ротным воспитателем пошёл.

– Кто-то запрещает?

– Не паясничай! – Усмехнулся генерал, – серьёзная тема, ты со своими остротами. Я же по глазам твоим вижу: тянет обратно в погоны! Не нашёл ты себе места на гражданке!

– Можно и обратно, в горячую точку...

– Не надоело? – с искренней заботой поинтересовался Березин, – как с восемнадцати лет попал под раздачу в Осетии, так с тех пор командировка на командировке... сколько можно воевать? А у нас перспективы! Дадим тебе майора, квартиру в новостройке...

– Которую не достроят? – перебил Старохватов.

– Полно! Давай серьёзнее! По-товарищески прошу.

² Заместитель командира взвода (замок).

– Извини. На самом деле, женщинами командовать у меня большого желания нет, лучше батальоном пьяных дембелей! Тем хоть «в душу прописать» можно... а этим чего? Пастой зубной ночью измазать?

– Ты же в последний раз был командиром взвода снайперш? Я слышал, ты справился отлично, они тебя любили, исключительно батей называли...

– Какой там взвод, так, отделение... да и тех хватило по горло, – подвёл Богдан руку к кадыку, – это тихий ужас. Так там война! Никаких глупостей про харасмент и в помине не вставало, а здесь, как? Они – девочки, я – мужик, им женщину-командира надо. Как я зайду в спальное помещение к ним с утра или посреди ночи в случае аврала?!

– Им батя нужен! – Снова хлопнул Березин по столу и поднялся с кресла, – в том и дело! Многие сироты, без отца или хоть брата старшего росли, я чувствую – это твоё место! Вообще-то, в мире равноправие нынче у нас.

Капитан разразился смехом:

– Ни фиги себе равноправие! Девчонок вместо взрослой зоны сюда, в ваш заповедник, а мужики пусть дальше чалятся по лагерям.

– Я уже отвык от твоей придирчивости, – устроился Николай Потапович обратно в кресло, – это ж экспериментальное училище! Если всё прогорит, в будущем, пока необходимо, начнём и парней принимать. Что касается – ты мужик... не бери в голову. Во-первых – помощницы у тебя будут и женщины, ты всё-таки ротный. Роты настоящей, правда, мы не наберём, эксперимент же, максимум взвод, да и то вряд ли, несколько девочек тебе отберём, для начала хватит. Во-вторых – у тебя опыт работы с женщинами-военнослужащими имеется, отзывы добрые о тебе, имеешь высокие награды, огромный боевой опыт! Говорю же: им батя нужен, край как! И потом, ты, когда в армии был, пипкой не махал перед женщинами-врачами? То-то. Министр МВП дал добро на тебя. Он, кстати, хоть и молод, но мужик – огонь! Хочет сделать всё правильно, без показух, без лишних телодвижений и тому прочего, ты же сам так любишь. Мы хотим такое училище сделать, чтобы мир ахнул! Чтобы все к нам приезжали опыта набираться, мы с тобой можем внести непосильный вклад в это дело. Обещаю, твои предложения, замечания, дойдут до министра, станешь частью истории, ёлки-палки.

Старохватов, тяжело вздохнув, поднялся со стула и подошёл к окну: за ним расстился хороший вид, действительно – санаторий!

– Тот лесок, – указал Богдан на заросли в южно-западной части училища, – он большой?

– Километра два-три в квадрате, там в середине и озерцо есть.

– Хорошо... его бы сохранить, вылазки туда делать, учения и тому подобное.

– Во! – Обрадованно подскочил генерал и тоже подошёл к окну, – ты голова! Уже начинаешь вносить дельные предложения... согласен! Только по краям у «запретной зоны» деревья вырежем и землю перепашем, но в целом всё оставим как есть.

– Зачем вырезать?

– Как контрольно-следовая полоса! Линия огня... по периметру кучу вышек натыкали, там тоже женщины будут стоять... с автоматами... да и мужики.

– А в случае побега?

– Огонь на поражение, – тоскливо прошептал начальник училища, – шутки играть никто здесь не намерен. – Сделав недолгую паузу, Березин снова спросил, – согласен? Полно выделяться, ты мне нужен.

– Жить-то, где мне? – почти сдался капитан, – мать не хочу теснить.

– Ой, прости, забыл и спросить за неё! Как она там?

– Хорошо, рада, что навестил её, живёт с мужчиной второй год, там же, в нашей старой квартире, в Водопьяновске.

– Жена, дочь?

– Не дави на больное, генерал. Настроение появится – расскажу. Так-то хорошо они, я умом Таню понимаю, отчего же ушла к другому... понимаю и не осуждаю, правильно она меня бросила, вечно по боевым краям мотался, дома не бывал, когда бывал – бухал! Еле из последнего запоя выплыл, столько лил, что проклятый! Но чувствами, знаешь, словно предали меня, раздражает, что я воевал, о ней думал, на соблазны подчинённых снайперш не поддавался, а их хватало, поверь! а жена... с другим в это время постель делила, причём с моим другом детства, м-да...

– Мне дом предлагают, новый, – резко сменил Николай Потапович грустную тему, – его сейчас достраивают в молодом посёлке, пешком полчаса от училища, та-а-ам, как ты любишь: пруд рядом, гараж есть, погреб, банька, в доме камин имеется! Вокруг участка твоя земля – никаких назойливых соседей. Через месяц-другой достроят – заселишься. До того временно в училище поживёшь, как раз не надо дежурных офицеров искать, кадры не до конца отсеяны, своих людей не хватает. Так... о чём я? Ах, ну, а через месяц-два, максимум – три, уже заселишься в мой дом, а вытянешь первый выпуск (три года) – она твоя!

– Вроде устав у них в МЛС какой-никакой тоже есть, – задумчиво произнёс Старохватов, – дисциплина должна иметься, всё не с нуля начинать. Ай, давай попробуем.

– Отлично! – ударил в ладоши генерал, – это дело и обмыть можно...

– Я перемыл своё...

– Ой, прости! Тогда снова по чайку? Устраиваться тебе следует быстро, я помогу, ведь 28-го августа девочки из тюрем уже окажутся здесь, те, что «вольные», наверное, раньше на день, а первого числа – торжественное, но «закрытое» мероприятие, с небольшим количеством прессы и политиков! Родителей курсанток пригласим уже на присягу. Смотри ж, формально тебе и оружие получить необходимо табельное, оно в оружейке храниться будет, на поясе таскать не придётся, плюс психиатра пройти, иные комиссии, повторюсь: я помогу на своём уровне, но-о, побегать придётся.

– Я готов.

На столе Березина запищал селектор, – «Товарищ генерал-лейтенант, к вам Керимов».

– Пусть зайдёт! – ответил начальник, – сейчас Богдаш, познакомлю тебя с нашим зам-потылом.

В дверь постучали, получив разрешение пройти, в кабинете оказался человек ростом около 172 сантиметров, в синем камуфляже, на его рукаве красуется шеврон ФСИН.

– Знакомьтесь, – привстал Николай Потапович, – это старший лейтенант Керимов Ренат Аласкеревич, переведён к нам по особой рекомендации, ранее служил в нашей же области, в Каменске, ИК-12. Человек он невероятно работоспособный, неделю у нас, а я уж удивляюсь и радуюсь ему! Такое чувство, что зампотылу, вообще, никогда не спит: пашет и днём, и ночью.

– Ренат! – Протянул Керимов руку Старохвату.

– Богдан.

– Очень приятно.

– Взаимно!

Капитан осмотрел нового знакомого: энергичный, физиономия спортивная, борцовская, правда, уши или нос не поломаны, лицо чистое и, вероятно, для женского пола весьма привлекательное (не разбирается Старохватов в мужской красоте, и не желает), в плечах могуч, рукопожатие крепкое, Богдану почему-то показалось – Ренат азербайджанец, хотя мог и ошибаться, уточнять, само собой, не стал. Волосы чёрные, глаза карие, нос прямой – «орлиный», узкие губы, часто улыбается, сохраняя при этом серьёзное выражение лица. «Заместитель по тылу» произвёл на капитана положительное впечатление, оно взаимно.

Отрапортовав командиру о выполнении поставленных утром задач, старший лейтенант Керимов уточнил:

– Есть ли иные поручения?

– Сейчас можете быть свободны! – улыбнулся генерал, – пообедайте, познакомьтесь поближе, заодно, Ренат, покажите нашему новому сотруднику территорию, всё объясните и так далее. А у меня, простите, скоро важный звонок. После обеда, товарищ капитан, зайдите ко мне, получите направления и дальнейшие указания.

– Есть!

Выйдя из административных корпусов, Ренат и Богдан, словно по команде, сделали несколько разминающих упражнений, посмотрели на солнышко, затем на территорию училища, на дворников, оба улыбнулись непонятно чему.

– Тебя провести по территории? – нарушил молчание Керимов, – или сразу в чайную?

– На твоё усмотрение, – безразлично пожал плечами Старохватов, – кое-что я здесь видел, пока с дежурным шёл от КПП до штаба.

Старшему лейтенанту ФСИН послышались нотки грусти в голосе нового приятеля.

– Настроения нет? – уточнил Ренат, – не нравится у нас?

– Нравится, прям заповедник! Смотрю по сторонам и не верится, что – это та самая воинская часть, где я подростком... ай, неважно.

– Да! Место хорошее, непохожее на колонию. Хвала Всевышнему, что перевели меня сюда! Я заявку, когда на перевод подавал, в мыслях не держал, что утвердят! Командир наш очень хороший человек, очень! Коллеги тоже, работать со всеми в кайф, не то что на «зоне». Чувствую, тут моя работа важна, она ценится.

Керимов, если долго говорил, начинал «гундосить», оно из-за перенесённого гайморита, Ренат почему-то этого всегда стыдился, он поспешил оправдаться перед Старохватовым:

– Капли назальные кончились, забыл вечером купить, нос забивается быстро, но к службе, хвала Всевышнему, я годен. Ладно, вкратце тебе объясню, что и где у нас, а экскурсию тщательно потом проведём, согласен?

– Хорошо.

– Плац ты видишь, прямо от нас, дальше проходная, мы называем её «восточные ворота», сзади, на другом конце – «западные», там планируется делать выезд на полигон, или ещё куда, ну и батальон охраны ими пользуется. Слева от КПП метров через 150 склады, далее на углу восточной и южной стены (бетонного забора) – автопарк, на его территории пожарная часть; правее по западному забору – хоздвор. Справа от «восточных ворот» у северной стены – дом свиданий, чуть выше – дом молитвы, пока батюшку не прислали, мне-то он не особо нужен, я мусульманин, ин ша Аллах, как ты догадался...

– Да мне тоже он не особо нужен! – улыбнулся Богдан.

– Атеист?! – настороженно спросил Ренат.

– Нет, скорее верю по-своему.

– Это хорошо! Не люблю атеистов. Между «домом молитвы» и плацем – столовая, справа от неё, у северного забора – санчасть; чуть выше, да вон, слева от нас, – указал Керимов на двухэтажные здания, что облицованы красным кирпичом, – это как раз корпуса, где будут содержаться арестантки, чи курсанты... выше корпусов стадион, там же полоса препятствий, за ними, на углу западной и северной стены – бараки охраны, их штаб и так далее. Прямо от них хиленький лесок, я туда не ходил, говорят, там озеро есть, как-нибудь сходим, глянем, самому интересно. Короче, походу дела разберёшься.

– Конечно! В целом, хорошо у вас тут.

– У кого, у вас? Ты типа к нам отношения не имеешь? – шутливым тоном поинтересовался Керимов.

– Официально же не трудоустроен, завтра в Ростов поеду, вещи свои заберу, документы, а дальше уже поступать на службу стану, тогда и назовусь – вашим.

– У меня как раз выходной завтра, могу отвезти в Ростов, если надо.

– Нет, спасибо, я сам, без обид. Я не скромный, если понадобится помощь – обращусь непременно! и ты тоже, обращайся всегда.

– Договорились! – улыбнулся «зампотылу» и протянул руку Богдану, – всё-таки, почему ты такой грустный? Если не секрет.

– Понимаешь, – выдохнул капитан, – смотрю я на всё это: красиво, богато, столько денег и труда вбухано... а ради чего? Не верю я в исправление бандитов, хоть и девушек. Конечно, люди меняются... вон, на войне, например, но всё равно... насмотрелся я на криминалитет! Пока они за забором, так все «душки», все верующие, маму очень любят! А выйдут, начинают по новой куролесить.

– Верно говоришь! – с уважением подметил Керимов, – на сволочей я тоже насмотрелся, такие попадались, что в карты проигрывались и родителей умоляли им на свиданку наркоту пронести, типа долг искупить, прекрасно зная, что родителей при обыске, скорее всего, обличат и тоже посадят... уродов полно моральных, но и людей хватает! Так что, уверяю, среди контингента твоего, попадутся и те, на кого ты сможешь положиться.

– Надеюсь! Ладно, поговорим ещё на эту тему, пойдём перекусим.

– Хорошо, ты иди в чайную, я через десять минут подбегу, помолиться надо.

– Намаз?

– Да. Стараюсь не пропускать молитвы, знаешь, если не получается долго помолиться, ощущаю себя скверно, словно в душ месяц не ходил!

– Добро. Жду тебя.

Глава 2. Добро пожаловать!

Старохватов прошёл медкомиссию и прочие, бюрократические процедуры для поступления на службу в рекордные сроки. Уже 25 – го августа он находился на рабочем месте, снова примерил военную форму, уже нового образца (смешанные пиксель и флора), на которой из привычного для Богдана остались погоны капитана (он не сразу получил обещанного «майора»).

Жить в Водопьяновске у мамы с её супругом Старохватов отказался, «отчим» хоть мужик мировой, и отношения у него с мамой чисто плутонические (немолодые уже), мешать их счастью офицер не захотел – поселился в училище, в своём новом кабинете. В чём, кстати, имелись огромные плюсы! Нашлось время до прибытия курсанток досконально изучить учебный корпус, особенно волновал капитана второй этаж, его левое крыло, где планируют разместить девушек, правое же крыло ограждалось стальной решёткой и запиралось на ключ, туда в будущем собираются определять пополнение.

Ротный облазил вверенное ему помещение буквально по миллиметру, заранее прикидывал места, где могут спрятаться его подчинённые, делать разного рода тайники с запрещёнными предметами и тому подобное. Также Богдан предложил внести некоторые изменения относительно обстановки спально-строевого помещения и разных мелочей, навряд ли, как поставить на дверь его кабинета дополнительно к стандартному замку – электронный, в целях безопасности. Капитан не имел дела с ранее осуждёнными в малолетнем возрасте девушками, потому по умолчанию относился к будущим подопечным, как к взрослым, матерым уголовникам, умеющим всё и вся – вдруг «медвежатник», среди них попадётся? Тем более, канцелярия – единственное помещение в корпусе, где на окнах отсутствуют решётки, – «На случай пожара?», – думал ротный воспитатель, хотя причина может крыться и в ином. Позднее «трюк» с электронными замками внедрили по всему училищу, в том числе и на воротах корпусов – это снимало ряд проблем, таких, как перемещение офицеров снабжения (или иного персонала), того же Керимова, по разным подразделениям. В дневное время сотрудник «спецобъекта» мог открыть ворота электронным ключом и не беспокоить дежурных, в ночной период же все двери запираются на стандартный, железный замок.

Кабинет командира роты (предполагается, что в его подчинение на первый год войдёт не больше десяти человек) оказался вполне уютным, просторным, не таким, конечно, как у генерала, тем не менее жить здесь можно смело! Что Старохватов, проведя перестановку по своему вкусу (при помощи Рената) и сделал.

За пару дней Богдан успел познакомиться почти со всем коллективом, за исключением батальона охраны. В первую очередь с непосредственной помощницей – старшиной (звание) ФСИН Белковой Инной Геннадьевной, формально та числится заместителем командира взвода, до получения ей первого сентября специального звания «Младший лейтенант», тогда она станет полноправным взводным. Белкова – женщина тридцати лет, крупного телосложения, достаточно высокая (175 см), стрижка под мальчика, голос имеет басистый, вполне командирский; сама она бойкая, можно сказать – данная профессия Инне к лицу! Служила ранее во «взрослой» (женской) колонии контролёром. С коллегами достаточно мягкая, улыбчивая, неплохо умеет шутить, но Богдан догадывается – с контингентом старшина – зверь! Наверное, оно к лучшему. Иная деталь беспокоит, которую Старохватов отметил намётанным глазом – это пристрастие помощницы к спиртному. Нет, обыватель подобного в Белковой не заметит: качающейся походки или заплетающегося языка у старшины нет, поведение не меняется резко в течение дня; лицо Инны не опухшее, белки серых глаз не покрасневшие, характерного запаха изо рта нет, жвачку постоянно не жуёт, просто – «Рыбак рыбака видит издалека»! В подобном капитан никогда не ошибался, потому и волнуется, – «Возникнут ли из-за хобби „замка“ у меня

проблемы? С виду не скажешь... вроде надёжная... время покажет!» – Инна в разводе: муж ушёл, забрав близнецов – дочку и сына (причина в «тихом» алкоголизме жены), суд принял сторону мужчины и обязал мать платить алименты... и такое случается в жизни.

Второй знакомой, с которой поначалу довелось часто сталкиваться капитану – это фельдшер, Слуцкая Ирина Егоровна. Часто они виделись из-за того, что представитель медицины расположилась в медпункте на первом этаже ротного помещения. Медсанбат хоть и находится на территории училища, метрах в двухстах от жилого корпуса в сторону «восточных ворот», всё же начальники решили первое время курсанток не выпускать лишней раз из расположения – «карантин», потому что фельдшер обосновалась заранее по соседству со Старохватовым (впоследствии она там и осталась). Подобные меры непонятны Богдану: всё равно в столовую девочек водить придётся, на полосу препятствий, на плац и т. д. к чему излишние запреты? С другой стороны, – медик на первом этаже не мешает, всё проще спуститься по лестнице, чем, в случае чего, бежать в другое здание.

Сержант Слуцкая оказалась достаточно приятной подружкой, пусть и назойливой в плане гигиены, например, если они с Богданом собирались попить чайку, то она обязательно отправляла мыть его руки! Оно-то правильно, но несколько раздражало боевого офицера. Внешне Ирина... не сказать – красивая, обычная женщина 27-ти лет, ниже среднего роста, русые волосы по плечо, худая, хотя и имеет «аппетитные» женские формы; голос приятный, руки нежные, замужем, воспитывает сына.

Третьей, «близкой» знакомой Старохватова стала старшина³ роты, она же прапорщик (от армии) – Азарова Жанна Ибрагимовна, уроженка Казахской ССР, всю сознательную жизнь провела в Ростовской области. Жанна «условно-верующая» (ислам), только в отличие от того же Рената, намаз не совершает, посты не соблюдает, даже Рамадан, за что порой получала упрёки от очень религиозного Керимова, впрочем, отвечала Азарова «зампотылу» достаточно жёстко, потому друг Богдана быстро от неё отстал с этим вопросом. Прапорщику недавно исполнилось сорок лет: невысокая женщина, стрижётся под каре, волосы всегда подкрашены в ярко-красный цвет, много смеётся, весьма отзывчивая и добрая женщина, опять же – с коллегами! панибратства с подчинёнными она не терпела с первых дней службы в армии.

Перечислять, с кем познакомился Старохватов за время проживания на территории училища, очень и очень долго! Больше всех общаться Богдан продолжал с Ренатом – сдружились они, словно с детства знакомы.

27-го августа около пяти вечера Старохватова отвлёк из тяжёлых раздумий (вспоминал войну) телефонный звонок. На проводе начальник училища:

– Ты там как, сынок, обосновался? – поинтересовался генерал-лейтенант, – ты прости, зайти не получается, последние дни – дела, дела, да дела... завтра, ить, первая партия пребывает.

– Здравия желаю! – выдохнул Богдан, – я хорошо, прапорщика и старшину отпустил домой уже, пускай готовятся к завтрашнему дню, сам бы в гости уехал сегодня к Ренату, да вот жду, когда «вольные» прибудут.

– Какие вольные? – не сразу сообразил Николай Потапович из-за загруженности мозга работой.

– Вы сами говорили: ко мне в роту за день до остальных приведут двух курсанток, которые не отбывают наказание, ну, уже освободились, я и жду их.

– А-а-а! – виновато протянул Березин, – прости, дурака старого, я забыл! Они уже в училище, ты можешь не ждать. Они, ить, с воли к нам, поэтому их отправили в санбат на проверку,

³ Имеется в виду должность – «Старшина роты», не следует путать с воинским званием, которое носит Белкова.

а завтра, когда этапируют контингент из МЛС, твои «вольные» с ними и заявятся, так что... поезжай к Керимову, поезжай, дело хорошее. Только немного позже...

Генерал замолчал, капитан его поторопил:

– Почему?

– Прости, секретарша отвлекла. Сейчас тебе анкеты курсанток принесут, личные дела на руки дать до поры не могу... в копиях всё необходимое найдёшь. Обещание выполнил: у тебя две «вольные» и восемь девчонок с «малолетки», никаких особ, успевших побывать во взрослых колониях, их в другие подразделения определим.

– Спасибо, меня это не сильно бодрит.

– Полно! Справишься. Ладно, если что – звони. И прошу тебя, помягче с моим заместителем «по воспитанию и патриотизму», чего ты его невзлюбил? Вон, как с Ренатом сдружился, а над Валеевым измываешься...

– Я постараюсь.

После телефонного разговора с начальником училища в дверь Старохватова тихо постучали.

– Войдите! – отозвался капитан.

На пороге появился заместитель по воспитательной работе и патриотизму – подполковник (от армии) Валеев Семён Сергеевич.

– Здравия желаю! – Поднялся Богдан.

– Вам просили передать. – Положил штабист на тумбочку возле аквариума папки с бумагами, – ознакомьтесь! Все документы, напоминаю, положено хранить в сейфе, если вы покидаете кабинет... и эти, – он постучал поросшим волосами пальцем по бумагам, – не являются исключением.

– Так точно. – Станным тоном отозвался Старохватов, таким, что вроде и издевается, в то же время и устав не нарушает, чем всегда невообразимо раздражает Валеева.

Семён Сергеевич – невысокий, щуплый, 48-ти летний мужичок, на голове залысины, волосы седые; особенно в глаза бросались его крохотные, вечно потные ручки с коротенькими, волосатыми пальцами, он имеет привычку постоянно ими перебирать... много кто из коллег избегает здороваться с Валеевым по-мужски. Характер у подполковника не подарок: ехидный, дотошный, считает себя умнее всех, истинно верит, – «Вокруг одни болваны!», за исключением старших по званию – с теми он всячески заискивает! Мягко говоря, всегда умел строить карьеру целованием известного места. С подчинёнными общается небрежно, любит задавать наводящие вопросы, так, чтобы, отвечая на них, человек чувствовал себя дураком, Семён от этого получает немислимое удовольствие! Говорит противным, писклявым и ехидным голосом, в общем – мерзкий тип. Со Старохватовым у него выдались особые отношения, ведь знает «замполит»: Богдан – человек Березина, потому обижать его невыгодно, а «подружиться» не выходит, ибо для капитана, прошедшего не одну горячую точку, Валеев – штабная крыса, в самом плохом смысле.

– Генерал просил по возможности не вмешиваться в процесс вашей работы, – не спешит подполковник покидать кабинет ротного воспитателя, – всё же, позвольте задать один вопрос?

– С радостью отвечу. – Показательно взялся за бумаги Старохватов, не поднимая глаз на собеседника.

– Как именно вы стараетесь изучать анкеты, а после и «личные дела»? Напоминаю, знать своих воспитанниц – это наша святая обязанность!

– Думаю, начать завтра, когда личный состав окажется перед глазами. Характеристики – это хорошо, но я люблю, чтоб в руках у тебя листок, а на стуле сам человек, так его куда лучше и проще познать.

– Хм... что ж, верно, верно! Я поражаюсь, насколько вы грамотны.

– Спасибо, но мне есть чему у вас поучиться, – ехидно оскалился Богдан, – я поработаю, если вы не возражаете?

– Да, да! – Развернулся Валеев к выходу, – напоминаю, – добавил он, задержавшись в дверях, – форма одежды завтра – парадная! Желательно с наградами, коих у вас немало.

– Спасибо, я помню. – Ответил капитан, добавив мысленно: «Тоже мне праздник! зечки прибыли в училище. Никакой парадки и, тем более, наград!»

Из «вольных» с гражданки за день до основного контингента прибыли шесть девушек, их сразу определили в медсанбат, скорее символически, нежели из страха перед инфекциями. Медики провели будущим курсанткам необходимые анализы, проверили на вшивость (в прямом смысле), на кожные и венерологические заболевания и т. д. Недавно прибывшие ранее понимали – едут они не в санаторий, хотя обстановка на территории училища очень на него походит, всё же девочки не ожидали, что по прибытии к ним отнесутся, как к заключённым! Отберут телефоны, личные вещи, возьмут под конвой, палата и та, запирается на ключ. Несколько отвыкли барышни от подобного обращения, но... их насильно в спецучреждение никто не тянул, нечего теперь плакать. С другой стороны, – персонал отличный, заботливые и чуткие женщины, они не запрещали смотреть телевизор или громко разговаривать между собой, смеяться. К сожалению, ни врач, ни тем более медсестры, не смогли утолить любопытства «арестанток»: они попросту не знали – что ждёт вчерашних узниц? Куда и кого из них определили? Хорошие ли командиры? и прочее. Три девушки из шести знакомы между собой – отбывали наказание в одной колонии для несовершеннолетних, четвёртая и пятая – в других зонах, шестая, вообще, в соседней республике. Однако сдружились они быстро, болтали почти до рассвета: «каторжное» прошлое старались не вспоминать, больше трещали о будущем, как они выйдут через три года из стен училища и заживут полноценной жизнью! Кто-то уже строил планы на то, чтобы самой в перспективе стать сотрудником милиции или военной.

Большинство же курсанток собрали из разных колоний (и республик, в том числе не входящих в состав России) на специальном пункте в Ростове-на-Дону. Оттуда двадцать четыре девушки двинулись в сторону Водопьяновска, причём на обычном автобусе, не на «воронке»: без решёток, покрашенных окон, кандалов и прочих «прелестей». Правда, конвоирши попались очень уж суровые: запрещали переговариваться или жестиковать, на просьбы сходить в туалет, отвечали отказом, под предлогом, – «Ехать три часа, потерпите! Вас предупреждали перед посадкой на спецрейс, чтобы справили естественные надобности, теперь не скулите. Вы уже совершеннолетние, поэтому разговор с вами иной!» – в подтверждение твёрдости своих слов, конвоир стукнула резиновой дубинкой по вертикальному поручню.

Впрочем, девушкам говорить не особо и хотелось: давно не видели «воли»! Те, кому посчастливилось сидеть возле окон, буквально прилипли к ним. Затаив дыхание, «зечки» наблюдали за проносящейся мимо, свободной жизнью! Те, кто сидел чуть дальше окон, с опаской тянулись к стёклам (конвой мог разозлиться), и тоже, с замиранием сердца, следили за улицей.

У каждой осуждённой душа радовалась и пела, ощущалось тревожное покалывание с головы до пят, в то же время к разуму примешивалась и лёгкая меланхолия, оттого что пейзаж за окном им не принадлежит, и истинно они познают его нескоро, в лучшем случае через три года! Каждая думала: «Боже! Как же хорошо и красиво за окном! Конец лета, солнце греет, веточки деревьев приветствуют на каждом шагу, собачки машут хвостиками и желают прохожим удачи. Кто-то из людей доволен, пары влюблённых идут под ручку, иные ссорятся, кто суетится от каждодневного разнообразия (в сравнении с тюрьмой, обычный день любого человека просто богат переменами), кто-то тоскует. Чего вы печалитесь, друзья и подруги?! Вы же на свободе, на свободе! Почему мы не ценим того, что имеем? Эх, горевали бы мы сейчас, дай нам выйти на улицу без конвоя! Попить кваса, пройтись по зелёной аллее, познакомиться

с мальчиками и много-много чего другого, что доступно свободному гражданину каждый день. Цените любой миг, люди, цените, потому что не дай бог, потеряв свободу, очень горько заплачете! Эх, дайте мне в руки холст и кисть, я картину напишу, про всё, что вижу на воле! Вручите листок и карандаш – стихи сложу! Одолжите камеру – сниму лучшую короткометражку в мире о простых россиянах!»

К «арестантской» эйфории временами подтекал страх, именно тот природный страх человека перед неизвестностью. Никто же толком не знал: куда едут? что там ждёт? какие начальники? Понятно, всё лучше, чем на взрослой зоне, но мало ли? Может, там станут бить или издеваться иным способом, то и по совокупности? Слухи разные ходили относительно нового училища, а пролить свет на скорое будущее – некому.

После обеда автобус с «зечками» прибыл на территорию спецучилища и остановился возле плаца. Девушек вывели из салона по одной, в десятый раз проверили, затем построили, снова проверили. Задали несущественные вопросы, казалось, конвоиры тянут время – так оно и есть! Вскоре появился незнакомый генерал-лейтенант в сопровождении невысокого, щуплого мужичка и пяти бойцов из роты охраны, последние несли личные дела прибывшего контингента. поприветствовав всех, начальник училища произнёс вступительную речь. Далее невысокий подполковник, получая от сержанта «личное дело», выкрикивал фамилию и называл роту, – «Абдулова Наталья Кирилловна! Добро пожаловать! Два шага вперёд. Вы направляетесь во вторую роту, встаньте к своему непосредственному начальнику, лейтенанту Астраханской, вон она, справа от вас. Елагина Дарья Анатольевна! Добро пожаловать! Два шага вперёд! Вы направляетесь в первую роту, встаньте к своему командиру, старшине Белковой... слева от вас», – и так далее.

Из прибывших, в подразделение Старохватова зачислили восемь человек, плюс две «вольные» из санбата. Когда распределение на плацу закончилось, Инна Геннадьевна отвела подчинённых сперва в столовую, затем в расположение.

На втором этаже жилого корпуса, к восьми девушкам в арестантской «робе» присоединились курсантки облачённые в военное обмундирование, как и у персонала – наполовину «пиксель», наполовину «флора», хотя различия имеются: несколько другой оттенок, рисунок и полоски чуть иные, и отражатели на рукавах – это дабы не спутать судимую с кем-то из сотрудников. Хотя форма была им выдана в строгом соответствии с размерами, всё же она сидела на теле мешковато. Необходимо подшить китель и штаны, разгладить, тогда – другое дело! Тем не менее облачённые в робу девочки долго рассматривали прикид «коллег», щупали материал, задавали вопросы.

– Рота! – закричала, словно случился пожар, старшина Белкова, – построиться на «взлётке» возле кроватей. И по ранжиру, не абы как!

Курсантки стоят в спально-строевом помещении, что представляет из себя смесь кубрика и казармы (все койки рядом, одноярусные), посредине которой находится так называемая «взлётка» – широкий, протянутый коридор, специально созданный для вечных построений личного состава, кстати, Старохватов почему-то называет её не «взлётка», а «пролётка», вскоре все привыкнут к такому термину.

Вообще, в корпусе сперва планировали сделать антураж исключительно армейский, причём «старого образца», позже отказались от такой идеи – надо идти в ногу со временем, плюс пресса заграничная станет заглядывать, нельзя опозориться на мир.

В расположение зашла прапорщик Азарова. Одна из девочек, видать, пересмотрев фильмов, крикнула, – «Смирно!»

– Отставить! – жёстко бросила Жанна Ибрагимова, – команда не совсем верная, когда командир появится ваш, кричите тогда! – и, сменив жестокое выражение лица на добродушное, добавила, – ему понравится. Инна... ой, товарищ старшина... вы правильно построили их, по ранжиру, но, думаю, пока форму всем я не выдала, пусть «зелёные» с края правого стоят. –

«арестантки» сразу обратили внимание: прапорщик нестандартно выстраивает предложения, как-то «не так» чередует слова, непривычно для слуха.

– Тоже так думаю. – Согласилась Белкова, – где наш командир?

– У начальника штаба, придёт скоро. Поели они?

– Да.

– Ладно, вольно! – отдала команду прапорщик, – не расходитесь, мы с товарищем старшиной по делам ненадолго отлучимся, нас ждите молча или командира роты. Пошли в каптёрку старшина ко мне, кое-что прояснить надо. Да не сбегут никуда они, всё заперто.

– Если кто нарушит устав или поднимете шум, пеняйте на себя! – Снова закричала Белкова.

Когда командирши вышли, курсантки расслабились, зароптали:

– Девчонки, давайте хоть познакомимся! – предложила одна из недавно прибывших, – мы-то многие вместе чалились, а вас впервые видим.

– Я Анюту знаю! – выкрикнул кто-то, указав на «вольную», ту, что пониже.

– И я!

– Привет, каторжанки, – расплылась Анна в улыбке, – кто бы мог подумать, где мы встретимся!

– А ты, кто? – обратились с вопросом ко второй «вольной», что повыше ростом.

– Полина! Я никого не знаю, отбывала наказание в Беларуси.

– Да сдружимся! Ты тоже с воли сюда?

– Конечно. – Пожала плечами Полина.

– Вот вы дурочки, девки-и-и! С воли на каторгу. Нас бы кто выпустил, искали бы потом здесь! Просто на «взрослую» заезжать не хочется, решили сюда, вы же чего?! Воля-я-я же вокруг вас была.

– Это так кажется, – отозвалась Аня, – когда ты за колючкой, думается тебе, что там, за забором, всё просто, а выйдешь и-и-и... депресняк на свободе тоже, короче.

– Ладно, расскажите хоть, что за место? Кто главный?

– Сами не знаем толком, – с важным видом сказала Полина, – говорят, вроде он из солдат, не кумовой, говорят, воевал! Мы его ещё не видели.

– Его?! – дуэтом подхватило несколько женских голосов, – у нас ротный воспитатель – мужик?!

И посыпались с разных сторон вопросы: «Не сильно старый? Красивый? Накачанный или пузан? Злой или терпимо? А женатый?»

– Не знаем! – запищала Анна, – сказали же! Мы с Полей немногим больше вашего в курсе.

– Хоть бы не тот мелкий мужик с плаца, что по ротам нас определял?

– Иди ты!

И спально-строевое помещение наполнилось хохотом.

– Если не сильно старый, давайте его охмурим? – последовало «гениальное» решение.

Полина отрицательно покачала головой:

– Уверена, если нам назначили ротным мужика, а судя по слухам, повезло так только нам: у остальных ротные воспитатели – бабы, то мужик такой, что соблазнить или надурить его не получится.

– Ой, – отмахнулась самая дерзкая девушка, как раз та, которую первой зачислили на плацу в роту Старохватова: Елагина Даша, – если он не из кумовых, а вояка, то обдурим, ещё как! С бабами нашими, командиршами, куда сложнее выйдет.

– Смирно! – раздался мужской голос в помещении, напугав всех девушек, без исключения, однако команду они выполнили быстро.

Вошедший капитан дождался, пока курсантки построятся, затем поочерёдно провёл по ним взглядом, без какой-либо мимики или прочего выражения эмоций, помолчал пять секунд, и, развернувшись, ушёл прочь.

Это такой психологический ход Богдана: подогревал интерес у подопечных к своей персоне. Офицер пробыл на виду у «арестанток» меньше минуты, но его намётанному глазу хватило времени, чтобы сделать необходимые выводы. В глазах курсанток он уловил необходимое ему любопытство, а две особы из десяти, смотрели на него чересчур заинтриговано – этот огонёк в девичьих глазах он не спутает ни с каким другим! Оно, вероятно, на руку, главное здесь – не заиграться. В целом, у Старохватова остались ровные впечатления о подчинённых: он себе их так и представлял (плюс-минус), хоть Богдан не верит в исправление «оступившихся», хоть и ждал прибытия хитрых и «прожжённых» девиц, всё же подсознательно понимал – перед ним окажутся не матёрые зэки в наколках, что вечно крутят чётки и играют желваками, а простые на внешность люди, которые виделись ему совсем школьницами. Знал капитан по своим снайпершам и другое – за миловидностью, застенчивостью и робкой улыбкой, лучше всего маскировать самые злостные намерения, а под внешностью ангела зачастую скрывается жестокость хладнокровного ликвидатора, что не остановится ни перед кем или чем. – «В тихом омуте, черти водятся!» – сотый раз повторял ротный в мыслях.

Курсантки тоже сделали выводы относительно командира, они поняли – это их ротный воспитатель. Высокий капитан (185 см), широкоплечий, спортивного вида, с решительной походкой и офицерской выправкой, темноволосый, с карими глазами, слегка вытянутым лицом и чуть «вмятым» (от перелома) носом, оставил положительное впечатление. – «Вроде нестарый! Слегка за тридцать! – думали женщины, – всё лучше, чем тот крохотный мужик с плаца. Интересно, какой у него характер? Постоял, помолчал и ушёл. Наверное, суровый человек!» – в общем, нужного психологического эффекта Старохватов достиг.

Богдан шёл по коридору и смотрел по сторонам, когда старшина Белкова, бодро выскочив из каптёрки, едва не ударила его дверью. Командир именно её и искал, мол, – «Куда запропастилась? Курсанток одних оставила. Уж не пьёт ли часом?!» – Дверь каптёрки находилась по правой (северной) стороне корпуса, это первый кабинет от спально-строевого помещения, дальше, через три метра, канцелярия ротного, между ним и каптёркой находится тумбочка дневального: суточный наряд для подчинённых, подобно армии, в училище не предусматривался, тем не менее планировалось периодически ставить девочек «на тумбочку» или «дежурными по роте», тому две причины. Первая, – в качестве наказания, да-да, пресловутый – «наряд вне очереди! (или два-три)»; вторая, – для обучения, чтобы знали, какого оно – стоять дневальным или дежурным (ой) по роте, учреждение всё-таки с военным уклоном.

– Прости, Богдан... ой, виновата! Товарищ капитан. – Извинилась Инна.

– Ну-ка, дыхни! – подозрительно наклонился к старшине Старохватов.

Набрав побольше воздуха, Белковадохнула в лицо командира:

– Хы! Да не пила я, мы по делам совещались.

– Это похвально! Ладно, иди к курсанткам, не распускай их, я позвоню сейчас генералу и приду, надо же и мне подчинённым сказать – «Добро пожаловать!»

– Слушаюсь!

Глава 3. Осужденная... курсант

Грозный вид капитана и его странное поведение, впечатлили курсанток: они продолжили стоять по стойке «смирно», правда, держались в строю неумело (до поры). Особенно вытягивалась «вольная» Полина, подобно призывнику при измерении роста, чтобы казаться выше.

Сейчас, девочки не то что говорить между собой опасаются – переглядываться! Они и любопытство отодвинули на задний план, которое разъедало их до появления Богдана: интересно же посмотреть новое «жильё», где и чья кровать, тумбочка, какой вид расстилается «в клеточку» сквозь стекло и решётки? Оценить-то пейзажный, словно в заповеднике, лик территории училища они успели, потому предпочитали, чтобы его часть просматривалась из их окон. И что за пределами спально-строеного помещения тоже волнует: туалет, душ, бытовка и так далее.

На «пролётку» вернулась Белкова. Инна удивилась, заметив, – «Курсантки стоят по стойке смирно! Прилежнее школьниц прям, тех и на секунду учителю оставить нельзя, сразу ропот. А эти – красавицы!» – старшина подумала, будто они её испугались, её командного крика, боевой внешности: не знала, что дело в ротном.

Следом к подчинённым заявился и Старохватов.

– Смирно! – отдала команду взводная.

– Вольно, вольно. Я уже заходил. – Махнул Богдан рукой и добавил, – по команде «вольно» необходимо встать свободно, ослабить в колене левую или правую ногу, но не сходить с места, не болтать и не ослаблять внимания. Особенно это касается вас! – указал капитан на Елагину Дарью, – я не давал команды готовиться упасть на пол и спать.

Она промолчала, потянулась.

– Когда к вам обращается старший по званию, что необходимо сделать? – сурово уточнил Старохватов.

– Простите...

– «Виновата» – надо говорить!

– Виновата! Осуждённая Елагина Дарья Ан...

– Сдурела?! – Усмехнулся ротный, – здесь ты либо курсант Елагина... хотя я бы вас и кадетами не назвал, язык с трудом поворачивается, но всё же, либо рядовой, поскольку по уставу нашего училища курсант – это должность, а рядовой – звание.

– Виновата! Так точно. Рядовой Елагина...

– Нет, отставить «рядовой», не звучит! Лучше – курсант. Ладно, – устало отмахнулся капитан, – научитесь скоро.

Несколько минут назад Даша воображала, как она станет непринуждённо заискивать с ротным воспитателем, шутить, то и флиртовать с ним, вставляя острые подколки, сейчас, отчего-то передумала озвучивать собственные мысли, мол, – «Голос у вас стальной, командирский, но очень приятный, вы не записываете аудиокниги? С удовольствием послушала бы перед сном». – На Старохватова, в свою очередь, Елагина обособленного впечатления из общей массы не произвела, он с этим потом разберётся, когда начнёт с каждой разговаривать лично, наедине. Думы Богдана за секунду, исходя из его опыта, будто он робот, выдали первичный отчёт касательно Дарьи: невысокая (не более 157 см), шатенка, волосы по плечо, глаза зелёные, выразительные; губы пухленькие слегка от природы, носик аккуратный, черты лица правильные, вероятно, имела успех среди мужского пола на воле. Дерзкая, оно заметно сразу, старается казаться хуже, чем есть, хотя однозначно, характер у неё нестабильный, может быть умной и вежливой, а через час – хабалкой-хулиганкой. Подобные девушки ведут себя вызывающе, изображают «доступных» девиц, но, когда доходит до «процесса», говорят сразу – «Нет!» Выглядит на свои восемнадцать лет, если захочет, при помощи косметики легко сможет мани-

пулировав годами, стать «моложе» или, напротив, «старше». – «В сержанты бы не взял!» – сделал окончательный, служебный вывод Старохватов, а для других целей курсантки ему неинтересны.

Капитан продолжил молча стоять напротив строя и переводить острый взгляд с подчинённой на подчинённую. Лицо его напряжённое, солнце, что переходит на западную сторону корпуса, падает на козырёк кепки, бросая «устрашающую» тень на его лицо, идеально вычищенные берцы блестят. Богдан подбирает в голове нужные слова, мысли путаются, скачут, но выглядит он уверенно и лишь хорошо знающий Старохватова человек смог бы определить по выступившим на его лбу испаринам пота – офицер волнуется. Наконец, заведя по привычке руки за спину (на войне всегда прятал от подчинённых таким образом мелкую дрожь перед боевым выходом), ротный воспитатель заговорил басом:

– Я – капитан Старохватов Богдан Николаевич... 1989 – го года рождения, если это кому важно. Назначен в ваш «диверсионный» отряд командиром, для вас я... ладно, обойдёмся без пафоса. Короче, по всем мелким вопросам обращаться к товарищу старшине, – он кивнул в сторону Белковой, – по болячкам и средствам женской гигиены – к медсестре, она в медкабинете на первом этаже, скоро познакомитесь; по вопросам бытовым, вроде трусов, ниток, иголок, подшивы...

– Так, мы по идее не подшиваемся! – осмелела Елагина и прервала начальника, за что удостоилась его сурового взгляда.

– Перебивать командира запрещено! Здесь я решаю, подшиваетесь или нет! Лично вы, товарищ курсант, к вечеру должны подшить воротничок формы, ну, когда получите обмундирование, а также рукава.

– Есть! – растеряно, с лёгкой обидой ответила Дарья.

– Продолжаем! – щёлкнул каблуками Богдан и, склонив голову, взялся прохаживаться взад-вперёд перед строем, – по вопросам более важным, уже ко мне. В армии не приветствуется, когда прыгают через голову непосредственного начальника... немного позднее, одну из вас, тех, что с воли, сделают заместителем Инны Геннадьевны – это первое звено непосредственного руководства. – Понимая, что начинает беседу не с того, капитан резко сменил тему, – буду с вами откровенен: я не верю в исправление души! Да, люди часто меняются, преимущественно в худшую сторону, чтобы в лучшую, память моя таких эпизодов не воскрешает. Горбатого могила исправит. Но раз начальство так решило – исполнять свой долг по вашему обучению стану честно. Знайте также – чувства жалости у меня нет! Никто вам не виноват, поэтому пытаться разжалобить меня историями о «трудном детстве» – не стоит. Вообще, я человек своеобразный, говорю прямо, не как вы мозги пацанам пудрите, мол: «Я стерва!» – нет. Могу с плохого настроения пропесочить ни за что, могу и поблажку сделать. «Любимчики» у меня есть – это те, кто не подставляет, косячит в меру, понимаю, совсем без грехов не получится... в почёте будут те, на кого я могу положиться и так далее. Если все окажутся таковыми – добро! Нет? Не обижайтесь. Ещё из хорошего для вас – я против коллективного наказания, сам его терпеть не могу со срочки, когда из-за одного идиота... ладно, неважно. У каждого нарушения есть имя и фамилия, и отвечать за него станет виновная, а не весь табор.

– Гражданин ротный воспитатель, разрешите... – донеслось откуда-то из середины строя.

– Чего-о?! – изменился в лице Богдан, – какой я вам «гражданин»? И какой воспитатель? Кто сказал?

– Курсант Абакумова Екатерина Викторовна! – отрапортовала тёмненькая, высокая и худощавая девица.

– Ого! – Почесал Старохватов затылок, затем поправил кепку и продолжил, – ты у нас СМЕРШ?

– Не поняла...

– Не бери в голову, контрразведка! Обращаться ко мне только товарищ капитан! Допускаю ещё – товарищ командир! Никаких «гражданинов», имени-отчества и приставки «воспитатель!» Я вам не нянька. Это всех касается. Ясно?

– Да! – невольно прокричали девушки.

– Не да, а так точно! – Вставила словцо заскучавшая Белкова.

– Что вы хотели спросить, курсант? – Посмотрел Старохватов острым взглядом на однофамилицу легендарного комиссара госбезопасности.

Вместо ответа Екатерина недоумённо пожала плечами.

– Она молчаливая! – снова выкрикнула Елагина, – слова не вытянешь, удивляюсь, как осмелилась обратиться к вам. Мы просто чалились вместе, почти родня.

– Выйти из строя! – приказал Богдан Дарье.

Та сделала шаг вперёд, почти по-уставному.

– По команде – «выйти из строя», следует сделать... ай, ладно, потом! Вы, курсант – счастливая обладательница перового наряда вне очереди! – объявил ей ротный.

– Есть.

– Чего болтливая такая? – почти мягко спросил капитан, – самая дерзкая?

– Как бы сказать, – скривилась Даша, – я словно из песни: «Могу одновременно грызть стаканы и Шиллера читать без словаря!»

– О-о-о, Высоцкого любишь?

– Так точно! – Сильнее потянулась Елагина к потолку.

– Уважаю! – учтиво кивнул ротный, – отставить наряд вне очереди. Однако азартные игры у нас строго запрещены. Только шахматы, шашки, прочие головоломки.

– Так шахматы – это ж спорт. – Сказала Дарья.

– Верно подмечено, – согласился Старохватов, – потому карты из своего «тайника» сюда гони.

– Как вы узнали?! – удивилась курсант.

– Давай-давай, на первый раз тебе прощается.

Елагина полезла в бюстгальтер эталонных размеров и, вытянув оттуда колоду карт, протянула командиру.

– Сигареты тоже! – добавил он, – курить у нас разрешается только после приёма пищи, в специально отведённом месте, возле столовой. Имеется курилка и в расположении, за моим кабинетом, чтоб туда попасть, необходимо моё позволение – это будет привилегией для курящих; для тех, кто ведёт здоровый образ жизни, придумаем альтернативное поощрение.

– Уяснила. – Склонив голову, отозвалась Даша: ей жалко расставаться с дорогой пачкой ароматизированной отравы.

– Встать в строй! – продолжил Богдан, – так вот, если унюхаю табачный дым в роте – выговор! В запасе у вас три выговора, на четвёртый – вылет! И обратно в МЛС, ну или на гражданку, для двоих особ. Выговоры можно и снимать, особыми заслугами. За наркотики, алкоголь и, – Старохватов замялся, – слишком близкие, неуставные отношения между курсантами... кхм... женоложство, – протараторил он последнее слово, явно смущаясь, – срываете сразу «джекпот»! Без предупреждений и апелляций. Запретов, вообще, много! Разберёмся по ходу дела.

В спально-строевое помещение ураганом ворвалась Азарова:

– Товарищ капитан! Пора одевать курсанток уже, и медсестра звонила, заждалась их тоже.

– Вы не видите, мы заняты? – Спокойным, но строгим голосом, не глядя в сторону Жанны Ибрагимовны, спросил командир.

– Виновата... – поправила прапорщик воротник.

– Скоро отпущу их... простите, что забыл с вами посоветоваться.

– Виновата, – повторила она.

– Я вас не задерживаю! – наконец, посмотрел Богдан в сторону Азаровой, та поспешила ретироваться. – Что дальше? – вывел Старохватов руки из-за спины и взял их в замок, – ах! Разумеется, каждой выделяют новый телефон с сим-картой, хранится они будут у меня, ибо звонить положено в строго отведённые дни и часы, понятно, если нечто срочное, можно обратиться ко мне с просьбой о внеочередном звонке, если только, действительно, оно важно! А не когда пьяная подруга Люся увидела в конце села вашего хахаля-бабника с какой-то сине-глазкой.

По расположению прокатился смешок.

– Отставить! Но письма, по старинке, вам всё равно писать придётся!

– Виновата, можно спросить? Я – курсант Елагина...

– Уже запомнил, кто ты! – усмехнулся Богдан, – у нас говорят «разрешите». Спрашивай.

– Если не кому писать? Нет, мне-то есть, интересуюсь из любопытства.

– Найдём! Друг подружке станете строчить. Ну или в газете/интернете познакомитесь с кем-то, да подругам, что в зонах остались.

– Поняла.

– Что забыл сказать? – устало вытер пот со лба ротный, – ничего не хотите добавить, товарищ старшина?

– Никак нет! – туго буркнула Белкова: ей надоело стоять, хотелось уже перекусить, по возможности и рюмаху пропустить под кислые щи, которые сегодня в общей столовой выдались очень уж знатными.

– Тогда закругляемся. Короче, товарищи курсантки-арестантки, вам необходимо выучить устав, распорядок дня, вон висит, – указал Старохватов на стену, где под стеклом покоится расписание с прочими информационными листами: справа от дверей прямо под большим телевизором, – имена всех командиров от старшины до начальника училища и много-много чего иного, зачастую ненужного. Сейчас вы отправитесь сперва в медкабинет, он на первом этаже, ну, кроме двоих, кто уже лежал в санбате и успел переодеться в форму, вы по очереди ко мне на более близкое «знакомство». Остальные, после медсестры к старшине роты – прапорщику Азаровой. Она и определит вас по местам, кроватям, проведёт беглую экскурсию, где у нас бытовка, мини-спортзал, туалет, душевые, кои вам полагается посещать каждые сутки, читальня и учебные классы на первом этаже, короче, увидите. Жанна Ибрагимовна также проведёт дальнейший инструктаж. Разойдись! – скомандовал Старохватов, но тут же передумал, – отставить!

Ротный подошёл ко второй девушке в строю («вольной»), осмотрел её с головы до ног и произнёс:

– Не хотел при всех этого спрашивать, да не удержался, очень уж вы интересно выглядите!

Снова прокатился смешок по расположению.

– Ну-ка, смирно! – проревела Белкова.

– Представьтесь, – не прекращал Богдан с любопытством рассматривать невысокую девушку.

– Осужд... курсант Вострикова Лидия Юрьевна!

Лида действительно выглядит необычно! Она сильно выделяется на фоне других девушек и далеко не только выданной ей утром формой: самая низкая, телосложения среднего; вроде бы кроме слишком детского лица, усеянного конопушками, которые ей очень идут и выглядят колоритно, ничего особенного, но! Вострикова единственная, кто подстрижена на лысо! Плюс в губе и носу у девушки красуются пирсинги, большие такие, а в каждом ухе по пять, то и шесть серёжек в ряд.

– Хм, – усмехнулся ротный, – присваиваю тебе позывной – «Эфка».

– Почему «Эфка»?!

– Потому что, – уже жёстко ответил Старохватов, – если тебя, не дай бог, разорвёт, то осколков железа от тебя разлетится не меньше, чем от гранаты «Ф-1»! Ах да, раздавать позывные я очень люблю, получит каждая, тут уж без обид, ничего с этим не могу поделать, изъян характера. – И повернувшись к старшине, ротный уточнил, – кто её пропустил такую, лежала же в санбате вчера? Почему не сняли сие безобразие?

– Не могу знать! – пожала плечами Инна Геннадьевна, – там же половина персонала гражданские, им, видать, пофиг. А бойцы из охраны, думаю, решили, что – это наша проблема и не стали заморачиваться.

– Отставить предыдущую команду для вас, Вострикова! Сейчас же, первой зайдёшь в кабинет фельдшера и передашь приказ Ирине Егоровне: «Немедленно снять запчасти и принадлежности с лица! Продезинфицировать кожу пять раз». После вручить твои септумы Азаровой на хранение... под опись.

– Есть. – Грустно пропищала Лида.

– С осколками на лице разобрались, ответь на второй вопрос: почему ты голову-то побрила? Девушкам оно необязательно, вшей выводила?

– Нет, – всхлипнула Лида, – это дед... я с отцом после судимости разругалась, живу со стариками, а дедушка, как узнал, что я в училище с военным уклоном иду, так и посоветовал, очень даже настойчиво, чтобы я побрилась... помог мне даже. Говорил: «Не пожалеешь!»

– Ахаха, – искренне захохотал капитан, курсантки его поддержали, – отставить смех! Дед твой, видать, наш человек. Шутник?

– Ещё какой! Никак не привыкну к его уловкам...

– Встать в строй. Не переживай, отрастут быстро. Цвет-то какой был, рыжий? – определил ротный воспитатель по лицу.

– Так точно.

– Ладно, – выдохнул Богдан, – разойдись!

Девушки исполнили команду своеобразно: просто отвернулись от командира, потом столпились.

– Старшина! – Позвал командир Белкову, – научите личный состав.

– Есть!

– Ты! – Указал Богдан на Полину.

– Курсант Горегляд Полина Добровна!

– Ого! – поразился ротный, – это как у тебя отца зовут?

– Звали, – скорбно склонила она голову, – Добрый.

– Хорошо, будешь у нас «Бедой». Повторюсь: позывные раздавать подопечным очень люблю, так что без обид!

– Почему «Беда»? Меня Доброй всегда звали.

– Потому что фамилия начинается на «Горе», а горе не беда! Но ты – Беда. Всё, за мной. Стоп! Тебе, Эфка, напомним: после сержанта Слуцкой и старшины роты – сразу ко мне. Смотри, чтоб без осколков, лишь с «перфорацией» на лице от них.

Оставив Горегляд возле канцелярии над тумбочкой дневального, Старохватов зашёл в каптёрку к Азаровой. Кабинет старшины очень просторный, можно сказать – мини-склад всевозможных, нужных и не очень вещей, комната ротного тоже немаленькая, но она уступает каптерке по размерам в разы! Зато у Богдана вид из окна не в пример лучше: он расстилается с высоты далеко за забор, на вольные, казачьи степи, оттуда виднеется излучина Дона, противоположный берег, а через стёкла прапорщика можно смотреть лишь на глухой угол корпуса. В каптёрке, как и положено, всюду навалены вещи: форма, шапки, кепки, берцы, даже кирзовые сапоги советских лет, шевроны, лычки и т. д. Стоит характерный запах залежавшегося

белья, в него ненавязчиво врывается аромат недавно заваренного чая из собранных в казахских краях трав.

– Жанна Ибрагимовна, – обратился командир роты к прапорщику и пригнул голову: от стального конька крыши через окно ему ударил в глаза «солнечный зайчик», – вы две кровати, что справа у входа, напротив «плазмы», закрепите за «вольными», одну из них мы сделаем младшим сержантом, думаю, Полину, точно не решил; вторую, Лиду, ефрейтором, её определим вам в помощницы.

– Ой, это пришлось бы к месту, к самому месту! – Улыбнулась Азарова: она не обижается на ротного за недавний, жёсткий с ней разговор перед строем, – очень каптёр нужен мне, очень.

– Договорились. Если что, я начинаю с курсантками знакомиться поодиночке, засижусь, наверное, сегодня, постарайтесь лишний раз не отвлекать. Если важное, тогда уж, конечно, смело обращайтесь.

– Хорошо, Богдан Николаевич. Чайку не хотите? Свежий, из трав особых, родственники прислали, для здоровья полезно очень, сейчас, когда на нервах мы все, он приходится к месту! Время есть, покуда они осмотр пройдут у Ирки.

– Нет, в другой раз – обязательно! Говорю же: начинаю знакомиться с курсантками, Горегляд ждёт под дверью.

– Ловлю на слове, про другой раз!

– Добро. – Улыбнулся ротный.

Старшина Белкова, отперев ворота на втором этаже электронным ключом (на ночь запиралась на классический замок), сопроводила девять курсанток по едко пахнувшей хлоркой лестнице к медкабинету, что находится справа от главных дверей корпуса за учебными классами.

Мест на стульях и скамейках, расположенных вдоль стен, хватало на всех, но девочки столпились возле пустующего поста внутренней (корпусной) охраны. Сурового стражника на боевом дежурстве, который предусматривался изначально по плану, не оказалось: его убрали по настоянию Старохватова. Ротный воспитатель посчитал – это излишние меры, без того у девочек возникнет постоянное ощущение «узниц»: и ворота запираются на обоих этажах, и решётки стальные за окнами. По той же причине Богдан решил не запирать на ночь двери, что разделяли спальню-строевое помещение и коридор, резонно заметив, – «Как вы им ночью в туалет ходить прикажете? Дежурного офицера постоянно тревожить и весь личный состав заодно? Пустое оно, девочки всё-таки, не пожизненно заключённые террористы!»

– Так! – Безумно громко закричала Инна Геннадьевна, – почему встали гурьбой, примоститься негде? Ну-ка, расселись по свободным местам. И замолчите, устроили пчелиный рой, как вас только перевоспитывали на зонах?!

Курсантки повиновались, притихли. Из-за наступившей тишины, прерываемой иногда звуками из медкабинета, похожими на бросаемые в биксы использованные инструменты, да редкими, тяжёлыми вздохами старшины, девочки почувствовали себя в чужой тарелке, заволновались. Кто-то забоялся врачей, с опаской думая, – «Вдруг болезненные уколы поставят?», кто тревожится, что «забракуют» и отправят обратно в зону, хотя логически и понимают – это маловероятно! Мандраж присутствовал в каждой, юной, в прошлом преступной душе.

Ожидание затянулось: фельдшер шумит у себя внутри, говорит с кем-то или сама с собой, но курсанток не вызывает, хотя старшина и докладывала ей: «Мы прибыли для осмотра! Вы же сами торопили нас!» – «Подождите немного, – отозвалась Слуцкая, – провожу дезинфекцию!»

В томительном предвкушении принятия на грудь чарочки водки под щи, Белкова ходит взад-вперёд, от правого крыла, где находится «читальня» и «красный уголок», к левому, к учебным классам, медкабинету и курсанткам. Шальная мысль врезалась в голову старшины, – «Может, оставить их одних на пятнадцать минуток? Ворота закрою на стальной ключ, на окнах решётки, Ирка рядом, никуда не денутся?! Нет, не стоит ротного подводить, Старо-

хватов без того закрывает глаза на мою слабость, не доносит, прикрывает перед начальством... потерплю, не алкашка, в самом-то деле!» – настроение её от этого испортилось, Инна занервничала и, понимая, что держаться сил почти нет, решила спустить пар на подопечных. Повод нашёлся, пустяковый: Елагина жестами разъярилась с Абакумовой, они ведь тесно общались с лагеря, да и другие девушки, «соратницы», тоже посылали подруга подружке условные знаки, корчили гримасы.

Командирша принялась необоснованно и громко кричать на курсанток. Невольницы, особенно бойкие (таковых две), из последних сил удерживались, чтобы не нагрубить старшине в ответ, сложнее всех давалось молчание Елагиной: горячую кровь и чувство собственного достоинства, сдерживать Дарье становится сложнее.

Наконец, на крик Белковой вышла фельдшер, она сделала замечание горлопанке:

– Инна Геннадьевна, вы чего так шумите? У меня стеклянные полки на шкафах дрожат, вы чего? Здесь не библиотека, тем не менее тишина в почёте.

Вытерев платочком слюни с «острого» подбородка, Инна извинилась за своё поведение, она не затаила злобы за сделанное фельдшером порицание: мысли старшины занимало предвкушение опохмела, видать, нескорого!

– Можете проходить по одной, – ласково пригласила Ирина курсанток на приём, – кто первой желает?

Старшина, прокашлявшись, поспешила внести ясность:

– Берите Эфку, – Инна указала на Лиду, та поднялась, – ротный приказал снять с неё это безобразие и обработать кожу несколько раз... прочие процедуры не нужны: она лежала в нашем санбате, из «вольных».

– Прошу! – Деликатно улыбнулась фельдшер Востриковой.

Курсант прошла в просторный (как и всё в училище) кабинет с более высокими, чем на втором этаже и коридоре потолками. Обстановка походит на аналогичные места: ширма, две кушетки, стеклянные шкафы с различными препаратами и пузырьками, умывальник, полки с биксами, прочие медицинские приспособления вроде штатива для капельницы и т. п. Имеется отдельный угол справа у окна для питания и досуга хозяйки; на столе микроволновка, термопот, рядом бутылка с родниковой водой и стаканчики, урна; на стене различные грамоты, диплом, портрет президента, календарь и патриотичные часы с триколором. В комнате витает характерный запах больницы: аромат смешался со спиртом, мазями и внушительной дозой хлорки. Нашлись и отличия данного медкабинета от санпункта зоны – тут тепло! и оборудование с инструментами более современные.

– Раздевайтесь, до пояса. – Вполне любезно попросила Ирина.

– Я уже проходила осмотр, вчера! – Протараторила Лида, – мне только «аксессуары» снять, я и сама могу, но капитан приказал...

– Ничего! Порядка ради, бегло вас осмотрую.

Фельдшер (хотя Слуцкую почему-то все звали медсестрой, чем дико её раздражали) подошла к курсанту и начала проводить необходимые мероприятия. Напомним, Ирина – это женщина, не сказать – красивая, скорее обычная, среднего роста, русые волосы, если их расправить, тянулись до окончания спины; худая, голос у неё приятный, рука «лёгкая»; она замужем, воспитывает сына. В первый служебный день (до приезда воспитанниц) появилась в училище с искусно замазанным синяком: супруг порой делал с женой низкий для мужика поступок – избивал. Нет, он не пьёт, просто дурак, ревнующий буквально к каждому прохожему, на которого Слуцкая хотя бы мельком, без интереса, поднимала глаза. Старохватов предлагал ей помощь – отказала, жалко ведь давно нелюбимого мужа, понимала – это глупо, дальше пойдёт хуже, а побороть мерзкого чувства сострадания к ревнивцу, не могла.

Невзирая на то, что Ира тоже носит погоны, она оказалась очень милой и доброй женщиной, противоположностью старшине Белковой. Лида это сразу почувствовала (как позднее

и другие девочки): Слуцкая словно источает тепло, манит к себе. Однако подобного нельзя сказать о её руках, хоть нежных и лёгких, но дико холодных! Едва сержант коснулась горячей, бледноватой кожи Лидии, как та вздрогнула, подумав, – «Патологоанатомом работала, что ли?» – вслух, естественно, подобного не выразила, искренне побоялась обидеть добродушную Ирину.

– Стрижка у вас... интересная, – усмехнулась фельдшер, – вши водились?

– Нет, – измученным тоном, оттого что надоело всем объяснять одно и то же, протянула Вострикова, – дед мой – шутник...

– У меня такой же был. Наркотики присутствовали в жизни? – Уже серьёзно и с опаской поинтересовалась Слуцкая.

– Да, – стыдливо опустила голову курсант.

– Бросила?

– Навсегда, я клянусь! – Бодро подняла глаза Лида.

– Сама решилась «соскочить» или помог кто?

Вострикова терпеть не могла говорить на болезную тему, но Ирина спросила таким участвующим тоном, что курсант ответила честно:

– Не пришло бы счастье, да несчастье подогнало... на зону попала, оттого завязала и... рада.

– По тем же причинам решила добровольно пойти к нам? Ну, ты же вольная была.

– В том числе! но не в первую очередь... я-я... честно, больше никогда...

– Извини, подруга, – выдохнула Слуцкая, – я обязана это указать в документах... или...

– Ничего, здесь секрета нет, в личном деле вроде помечено, сама не знаю, как меня сюда взяли с таким прошлым, с 228-ой статьёй за плечами.

Ира, пометив что-то в карточке Востриковой, вернулась к пациентке и принялась снимать с той серёжки, септум, пирсинги. Лида не ощутила ни боли, ни чего-то другого: она «залипла» – любопытный взгляд курсантки прошёлся по фигуре фельдшера.

– По одной серёжке в ушах можно оставить! – оттянулась слегка назад Ира и уловила, что пациентка её пристально изучает, – ты чего это?! – усмехнулась Слуцкая.

– Нет, нет! – поспешила оправдаться курсант, – я нормальная, мужиков люблю... это я из зависти, из «белой» зависти... вы такая худенькая, но с «формами», мне вот, совсем не повезло, хоть бельё на мне разглаживай.

Фельдшер засмеялась.

– Ничего, подруга! Мужики разных любят, мне вот, с «достоинством» честь выпала, зато нос как у Буратино! Комплекую – жуть.

– Хех, так вы не говорите об этом ухажёрам, они и не заметят!

– Да, Старохватов, командир ваш, тоже мне подобное говорит. Кстати! ты при нём так, «с завистью», на женские прелести не смотри, он может неправильно понять. По секрету скажу: жутко Богдан боится, что кто-то из вас заведёт меж собой чересчур неуставные отношения.

– Серьёзно?

– Что я, врать стану?! – наигранно обиделась Слуцкая, – подругам тоже доведи информацию.

– Хорошо.

– Всё, свободна. Держи своё железо... кстати, почему тебя Инна назвала «Эфкой?»

Вострикова поведала историю появления у неё «позывного», чем развеселила сержанта. После Лидии в кабинет прошла следующая пациентка.

– Курсант Елагина Дарья Анатольевна! – отрапортовала та.

– Отчество называть необязательно, вряд ли кто-то станет тебя по нему здесь величать! –

Весело ответила Ира, – раздевайтесь.

– Прям так сра-а-азу? – Игриво протянула Даша, оно от скуки, намаялась за день.

– В армии всё надо делать быстро, привыкай! – поддержала иронию медработник.

Курсант сразу определила – Ирина Егоровна – свой человек! Потому без обиняков, прямо поинтересовалась:

– Извините, товарищ сержант, можно у вас спросить насчёт... капитана нашего.

– Военные не любят слово «можно», разве в тюрьме не так? Привыкай говорить: «Разрешите!». – И, кокетливо подмигнув курсантке, добавила, – спрашивай, чего уж там, неужто приглянулся? Вроде в старшие братья годится, то и в отцы с натяжкой.

– Нет, что вы... хотя, признаюсь, сейчас бы и на домамонтного деда прыгнула! Забыла уж, когда мужик меня щупал, – исковеркала девушка последнее слово, – вопрос иного, скорее служебного характера.

– Спрашивай, но быстро, вас за час до ужина надо всех осмотреть.

Глава 4. Горегляд

Старохватов, отперев сперва классический, затем магнитный замок, пропустил в канцелярию Горегляд. Полина робко встала справа у порожка, возле двухметрового серого шкафа, заслонив «домофон» (отпирать ворота для тех, у кого нет электронного ключа). Она с интересом осмотрела помещение: уютный кабинет, не подходящей обстановкой на казённый; сразу заметно по мелочам, вроде гражданской одежды и тапочек – хозяин здесь живёт некоторое время, но всё сложено аккуратно, в комнате и при помощи лупы вряд ли сумеешь отыскать пылинки.

Богдан, покормив рыбок в красивом аквариуме с голубой подсветкой, что величается на тумбочке у левой стены рядом с термопотом, обошёл рабочий стол и устроился в удобном, кожаном кресле «бизнес-класса».

– Рыбок надо, наверное, вам в распоряжение отдать, мне они без надобности и ухаживать лень. Проходи, – стальным голосом сказал капитан, – чего встала в дверях? Присаживайся.

– Куда? – уточнила курсант.

– Куда хочешь, только не на стол и не на меня.

Девушка, отыскав глазами за чёрным диваном стул, «спрятанный» у правой стены, подошла к нему и, взявшись за спинку, спросила:

– Можно?

– «Разрешите» – у нас говорят! – прикрикнул ротный, – бери и устраивайся поудобнее напротив меня. Чай, кофе? – неожиданно добавил он, дождавшись, пока подчинённая усядется.

– Если мож... если разрешите, то кофе с радостью выпью. – Сняв кепку, Беда поправила волосы и стеснительно склонила голову: не знает, куда деть глаза.

– У меня только растворимый, – без ноток оправдания, фактом привёл капитан и направился в соседнюю комнату, где у него в распоряжении душ, туалет, умывальник и некое подобие кухни, с электроплитой и микроволновкой.

Старохватов вернулся в кабинет, открыл дверцу тумбочки, на которой стояли аквариум и термопот, достал банку «растворимого», сахар, кружки, и, не спросив о предпочтениях курсантки, на свой вкус навёл напиток. Пошумев ложкой в посуде, Богдан поставил парящий кофе, распространяющий приятный аромат арабики, перед Полиной, вторую кружку отодвинул к своему месту.

Офицер вернулся в кресло, отъехав на нём в левый угол к сейфу, открыл его, покопался в бумагах, нашёл нужную папку, толкнул бронированную дверцу и подкатил обратно.

– Так! – офицер, склонившись над анкетой и прочими документами подопечной, задумчиво свёл брови, на его переносице домиком проступила морщинка, отчего капитан стал выглядеть старше. Это не смутило Горегляд: невзирая на домогательства к ней со стороны отчима в детстве, ей всё равно нравились «мудрые» мужики, глупых и ветреных Беда никогда не любила, – рассказывай, – прервал тишину ротный.

– Что? – не поняла курсант.

– Всё! Начиная со статьи УК и плавно переходя к сути, к истории не по протоколу, о себе: чем и как жила? Почему совершила преступление? Ну?

Лицо Горегляд покраснело, то ли от испуга, то ли чего иного: её загнутые ушные раковины, как бы козырьки мансарды, приняли лиловый оттенок, словно от борьбы, – «Наверняка горят! – подумал Богдан. – Кто ж тебя так материт?» В целом, Беда оставляет приятное впечатление: рост 164 см, шатенка, стрижка чуть ниже плеча, волосы кудрявятся, она по мере возможностей всегда старается их выпрямлять, глаза чёрные; узкие, чуть скосившиеся в правом уголке рта губы, лицо правильных, красивых черт, так и просят мужской взгляд задер-

жаться на нём, под любым предлогом. Фигура вполне спортивная, прочие «достоинства», которые имеют место, скрываются за местами обвисшей, не подшитой формой.

Тяжко выдохнув и сильнее покраснев, Полина отрапортовала:

– Статья 139-ая, часть вторая, пункт шесть... проще говоря – убийство с особой жестокостью. По вашему кодексу – сто вторая.

– Убийство у нас уж почти тридцать лет, как 105-ая статья! Привыкай. Кодекс имеется в учебных классах, подучишь. Отвечая в будущем на вопрос офицерам или кому ещё, называй именно статью из УК РФ, а не «республиканскую».

– Поняла! – Горегляд почувствовала себя стеснённо: заволновалась, словно находится на турнире по лёгкой атлетике, на низком старте, и пошли секунды обратного отсчёта: «Три, два, один!» Сама не поняла, что с ней происходит, и – «Как скорее успокоиться?»

Отхлебнув кофе, девушка искала место, где застопорить взгляд: смотреть в глаза командиру побаивается или стыдится, сама не в силах разобрать. На стене простенькие электронные часы, их циферблат украшает танк – «Т-90», под ними портрет... нет, не президента! Его в кабинете не оказалось, а почему-то Дзержинского. Под фотографией «Железного Феликса» красуется копия знамени с надписью: «689 гвардейский истребительный Авиационный Сандомирский ордена Александра Невского полк». На столе капитана, ближе к левому от окна краю, небольшая фигурка (бюст) Ленина, правее, за ноутбуком – малый органайзер, за ним, на золотистой подставке миниатюрный Российский флаг – триколор.

Вновь в кабинете тишина, нарушаемая, правда, тиканьем часов, – «Цик-цик», да жирной мухой: она бьётся об окно, в наивной попытке вылететь на улицу. Звуки насекомое издаёт противные, причём отрывками – тишина, тишина, потом – «Ж-ж-ж-ж» – тишина, и так с интервалом в 15—20 секунд – это раздражает. Старохватов неожиданно откинулся с кресла и ловко поймал муху, так, что пальцы его кулака не коснулись стекла.

– Осень скоро, они никак не уgomонятся! – возмущаясь, отправился офицер к умывальнику, там он «отпустил» муху по проточной, холодной воде в канализацию, после тщательно вымыл руки.

– У вас отличная реакция! – проронила Горегляд, когда ротный воспитатель вернулся на место, и, пожалев о сказанном, извинилась, – простите.

– Приму за комплимент! Переходи к «неофициальной» части истории своей жизни, только, как на исповеди: станешь врать, поверь – пойму. Учти, ложь, сделанную «тет-а-тет» и без надобности (имел в виду, что подчинённый всё равно порой врёт начальнику), я не люблю и тем более не прощаю.

В дверь кабинета постучали, а через долю секунды запищал телефон.

– Да, что ж такое! – Выругался Богдан, – поговорить не дадут, – и, снимая беспроводную, серую трубку, крикнул, – открыто! – Сразу же ответил на звонок, – Старохватов!

В приоткрытой двери показался Керимов:

– Можно? – шмыгнув носом, спросил зампотылу.

Капитан прижал трубку к левому плечу и возмущился:

– Ещё один! Ну ты, Ренат, офицер всё-таки, должОн же знать, как надо говорить.

– Ладно, ладно. – Прощёл внутрь старлей, – ас-саяму алейкум!

– Алейкум салам, – ответил на приветствие ротный и вернулся к телефону, – извините, работаю! Кого? Ах, ну уже здесь, – он протянул трубку другу, – тебя.

– Да?! – крикнул в микрофон старший лейтенант, – вы без меня совсем ничего не можете?! Привыкли, что я один работаю. Сейчас помолюсь, потом приду! – Он отключился и вернул трубку хозяину кабинета, следом протянул замотанный в синий пакет тазик, – держи, принёс пирожки сладкие, одиннадцать штук, как просил. Зачем тебе столько?

Старохватов указал глазами на курсантку (та встала при появлении незнакомого ей офицера в синем камуфляже), мол, – «Потом объясню».

Беда посмотрела на ротного, безмолвно вопрошая, – «Мне нужно ему представляться?» – Богдан правильно прочитал её взгляд и сказал вслух:

– Знакомься – это курсант Горегляд Полина, одна из двух кандидатов на звание младшего сержанта.

– Ренат! – с радушной улыбкой, по привычке протянул Керимов руку «арестантке», быстро осёкся, отвёл ладонь за спину и, кашлянув в левый кулак, скорректировал, – старший лейтенант Керимов Ренат Аласкеревич. Зампотыл ваш.

– Рада знакомству! – Снова взгляд на командира: «Ничего, что я так ответила?». Офицер подмигнул ей в ответ, имея в виду: «Нормально».

– Вы заняты, да? – уточнил Ренат, – есть, где мне помолиться? То из-за работы пропустил сегодня, душу гложет, не могу, надо помолиться, а везде люди! Не уединишься.

– Иди в бытовку, там светло, чисто... она открыта, закрой только её изнутри, чтобы не отвлекали.

– От души, братан!

Керимов подошёл к серому шкафу, открыл двери-купе, просунул руку к «своей» полке (Богдан разрешил Ренату чувствовать себя здесь, как дома, а зампотылу, аналогично сказал Старохватову вести себя у него в гостях) и взял пакет с намазлыком, рядом с ним хранится литература исламского толка и «Священный Коран», который капитан обещал другу обязательно прочитать. Богдан хоть и не религиозен от слова совсем, всё-таки считал, что человеку полезно прочесть, как христианскую «Библию»: «Ветхий и Новый заветы», так и «Коран». После старший лейтенант, пообещав зайти во время ужина, отправился в бытовку.

– Угощайся! – раскрыл ротный тазик с пирожками и пододвинул его к курсантке.

Полина, послунявив губы, жадно уставилась на выпечку, кашлянув в рукав, робко спросила:

– Что, прям десять штук можно... ой, виновата! Разрешите взять?

– Ого! – Притворился Старохватов, будто удивился наглости подчинённой, – так проголодалась?

– Нет, ну нас же, девочек, десять, а один вам.

«Молодец! – подумал Богдан, – прошла проверку!» – вслух сказал:

– Сейчас ешь, сколько поместится, угощайся. За других не переживай, я же со всеми буду говорить, вот всех и угощу, обещаю.

– Тогда хорошо! – Улыбнулась Беда и взяла пирожок.

– Рассказывай! Раз нас столько отвлекают с тобой, видать, история знатная! Не тяни шибко, но и не спеши, время до ужина – наше.

– Хорошо! – настроилась Полина и принялась рассказывать историю своей жизни, впервые за годы, без утаек, без сглаживания углов.

Полина родилась двадцатого ноября 2004 – го года в Минске. Отца девочка не помнит, а как тот выглядел, знает лишь по немногочисленным фотографиям, которые она сизмальства затаскала: смотрела порой часами на бату, плакала, разговаривала со снимком, старалась понять из редких и скупых рассказов матери, да внешнего облика папы с фотокарточек – каким он был? Характер, походка, голос? Ведь не сохранилось ни аудио, ни видеозаписей с папой.

Горегляд Добрый погиб на производстве летом 2006 – го, когда дочери не исполнилось и двух лет, подробностей трагедии мама Полины – Алла, никогда не рассказывала, вообще, не любила вспоминать первого мужа. Почему? Бог его знает, может, любила и тосковала? Нет, не похоже: не прошло и года с момента гибели супруга, как вдова познакомилась с Вениамином Загорулько, который представился ей преуспевающим бизнесменом и, через пару месяцев сошлась с Веней (бездетным). Трёхлетняя дочь Аллы для отчима не стала препятствием или обузой... до поры.

На деле, никаким «бизнесменом» Загорулько не являлся: в лучших традициях – взял в кредит, причём не в банке, а у «предпринимателей в спортивных костюмах», крупную сумму (в белорусских рублях). Подобно тысячам простачков, воображающих – жизнь легко оседлать, кругом одни лохи, которые не умеют богатеть, а он один гений – Веня планировал начать под взятые деньги «собственное дело», стать миллионером и быстро рассчитаться с братками. Получилось, как в цитате Черномырдина, т.е. как всегда: профукал наличные! Потому что шикавал, возомнивши себя богачом... на «раскрутку» ничего не осталось, а долг – платежом красен. Пришлось Загорулько продать унаследованный от бабки дом и в придачу квартиру новой супруги, дабы рассчитаться.

Оставшись без крыши над головой, новоиспечённая семья перебралась в Гомельскую область, в невзрачный ПГТ, протянувшийся на берегу реки Березина (правый приток Днепра). Оказывается, Вениамин был там прописан с рождения, но до поры не жил (в Минске обитал по временной регистрации в унаследованном доме). Имелся у несостоявшегося бизнесмена в посёлке ветхий флигель, входивший при советской власти в ведомость «ЖЭКа»: там селили дворников, слесарей и т. п. Так, от бабки к матери, от неё уже к сыну, дом и перешёл. Молодожёны решили временно поселиться там, поскольку – «Нет ничего более постоянного, чем временное», остались жить во флигеле.

Домик пустовал долгое время, потому и без того старое, дореволюционное строение, где раньше влачила существование прислуга богатого помещика, пришло в критическое состояние. Флигель был небольшой: две комнаты плюс пристройка; хата сложена из природного камня, как упоминалось – ещё до революции, кладка довольно «интересная» – без раствора! Стены лишь снаружи оштукатурены и внутри, правда-а... с улицы домом занимались последний раз при Горбачёве, соответственно, во многих местах глина с кизьяками и песком отслоилась и обвалилась, обнажая толстые камни. С последним связаны эпизодические воспоминания Горегляд из детства: маленькой Беда любила размешивать грязь и заделывать ей щели (до которых дотягивалась), считая, что починила стены! Мама смеялась и нахваливала рукодельницу, – «Молодец, дочка! Настоящая хозяйка из тебя вырастит!»

Имелся при флигеле небольшой, загаженный огород и, единственное, что немного радовало глаз – забор, тоже из «пластунки» без раствора, но стоял крепко (знатные были каменщики в старину): он хоть с улицы скрывал от прохожих тот стыд и позор, что начнёт твориться в жизни Полины.

Не-е-ет! Сначала, оно куда ни шло: с ярым энтузиазмом Веня и Алла принялись облагораживать флигель. Начали, естественно, с внутреннего ремонта (до внешнего так и не добрались): содрали старые обои, поштукатурили стены, поклеили новые обои, отремонтировали печь... да-да, именно в таком порядке – сначала обои, потом печку, в итоге вымазали обновлённые стены сажей, хоть и накрывали их плёнкой, всё равно – полувековой нагар проникал через неё. Незначительно обновили мебель, купили матрас на кровать, посуду, короче, на что денег хватало.

Позже супруги устроились на работу. Загорулько оказался неплохим автомехаником, шарил он и в тракторах, что пришлось в посёлке кстати; мама Полины подрабатывала в бригаде строителей маляром (выезжали в соседние города, чаще в районный центр). В целом, денег хватало на еду, на одежду, на бытовые мелочи; взялись копить на внешний ремонт и на проведение в домик удобств, кои до сих пор оставались на улице. Веня с Аллой планировали сперва провести воду в домик, оборудовать там санузел и канализацию, затем добраться до газа... но! Внезапно, после традиционной пьянки в выходной, отчим не стал отходить с утра возле тазика: отправился за похмелькой в магазин и провалился в знатный запой!

С тех пор Полина отчётливо запомнила «счастливые», детские годы. Особенно въелась в память вода, которую к дому так и не подвели. Во дворе имелась бурка, но жидкость в ней была противная: отдавала горечью и солёнкой, если холодная – куда ни шло, а чай из неё выхо-

дил слишком паршивый, и насос, что качал влагу из глубины (Ручеёк), питаюсь электричеством «мимо счётчика», ломался через день. Если отчим напивался не до грани – чинил, если был в умат... приходилось маленькой Горегляд идти на соседнюю улицу, таскать от уличной колонки воду. Впрочем, если хотелось отведать нормального чая, при условии, что мама его покупала, всё равно Беда тягала баклажки оттуда! Девочка ненавидела «дворовые удобства», равно как и небольшие канистры с водой, что страшно сдавливали пальцы. Отчим один раз удумал, – «Ты, Польшка, коромысло возьми, у нас в сарае валяется!» – «Ага, – отвечала Горегляд, – мало мне позора перед людьми, осталось с коромыслом ходить!» – Да, позор и стыд – это базовые спутники жизни девочки... и дело совсем не в ветхом и тесном жилье без удобств.

Алла сперва ругалась с Загорулько по поводу его безудержного пьянства и безработицы, следовательно, возникшего дефицита денег, затем начала потихоньку составлять мужу компанию в пагубном распитии. Поначалу она пила в меру и исключительно по пятницам, после забеременела, отходила семь месяцев с дитём под сердцем, но... в итоге получилось мертворождение. Тогда женщина запила по-чёрному!

Полина помнила того младенца, точнее, трупик братика: ей пьяный отчим в целях «шутки» его специально показал, тому отдали тельце в больнице, Веня его и принёс в какой-то коробке, подозвал падчерицу, – «Иди-ка глянь: подарок тебе!» – она возьми и посмотри туда... трусило бедняжку не одну неделю. Тем же вечером Вениамин закопал ящик с телом недалеко от дома, на спуске к реке, словно собаку дворовую.

В догрузку к вышеописанному у матери произошёл гормональный сбой на фоне тяжких родов: волосы стали расти на теле – жуть! Она лицо брить начала, в прямом смысле – «Т-образным» станком. Запой потянулись страшные, росли в геометрической прогрессии, т.е. сперва пили месяц, потом пару недель завязывали «навсегда», снова пили месяц, затем начали бухать по два, по три... на работу почти забили, стали попрошайничать у соседей, лазить по мусоркам и так далее. Что интересно, на еду и вещи денег катастрофически не хватало, а вот на выпивку находили всегда! Загорулько даже сварганил самогонный аппарат, такой, чтоб можно гнать без проточной воды: «продукт» выходил мутным, словно его взяли из декораций «Деревни дураков», а воня-я-ял он – жутко! Тем более, брагу ставили не пойми из чего! не очищали «спирт-сырец», не делили на фракции, гнали один раз. Ой, запахи – это отдельная тема! Смерд в халупе воцарился адский! Поля его впитала в себя: и в тело, и тем более в одежду, помыться-то и постираться по-человечески негде. Девочка сильно стыдилась, понимала же: сколько ни старайся, всё одно – воняет от неё хлеще, чем от помойного бомжа, а в школу ходить надо. Как ребятам и девчатам в глаза смотреть, чем оправдывать исходящий от себя «аромат»? Аромат табачного дыма от дешёвых папирос, что висел во флигеле, как туман, плюс гарь от печи, которая снова требовала ремонта и страшно чадила при растопке, плюс въевшийся перегар, вонь старья и мышинных фекалий, какой-то неведомой кислятины и далее по списку. Полина заливалась дешёвым одеколоном, который прятала от отчима (мог выжрать), уж пусть лучше им несёт, чем тем «амбре», хотя и парфюм спасал не сильно.

Мало того, – вонь! так состояние самой одежды желало оставлять лучшего. Ходила в обносках с «барского», соседского плеча. Запомнился Горегляд случай: ей нечего было обувать на первое сентября, в прямом смысле – нечего! А не так, что полно немодной обуви в закромах, но носить её несолидно. Тогда она как раз пошла в пятый класс, и отчим её «выручил» – нашёл на помойке две габунские туфельки одинакового размера, но-о... разного цвета! Свёл чем-то старый лак с них и покрасил обычной, малярной, чёрной краской, – «Ходи, доченька!» – с радостью вручил он обувку падчерице. «Беда» тогда впервые назвала Веню нехорошим словом, за что получила от мамы ремня по известному месту. Загорулько, кстати, всегда называл Полину дочерью, а она его отцом – никогда, только по имени, не уважала... было б за что!

А друзья? Которые невзирая на положение девушки, всё-таки у неё имелись? Врагу не пожелаешь подобного, когда тебе говорят приятели, особенно в таком, нежном возрасте, вроде, – «Поля, глянь! Твоя мама в мусорном контейнере роется, никак, пьяная опять?!» – на что Беда отвечала, – «Нет, трезвая, гриппует просто, голова от температуры соображает хуже, видать, по ошибке вместо мусора выкинула пакет с полезными вещами», – а про себя девочка думала, – «Спасибо, друзья, что сказали это! Как бы я жила без вашей „поддержки“ и ваших зорких глаз, что видят шибко много?»

Казалось бы, куда хуже? Нет, худшее ждало впереди! Горегляд достигла подросткового возраста (14 лет), тогда и началось самое мерзкое. Да, отчим стал заглядываться на падчерицу, очень уж та похорошела, невзирая на плохое питание и условия быта, причём «расцвела» внезапно! Оно же, покуда пьёшь, время летит быстро и до протрезвления многого не замечаешь. Поначалу Загорулько тайком засматривался на девочку, потом стал «невзначай», чисто «по случайности», касаться её, дальше, окончательно пропив мозги, принялся делать недвусмысленные намёки. Самое обидное и ранящее душу на всю жизнь, до последнего вздоха, сколько бы лет Полине ни отвела судьба – это то, что она пыталась на эту тему поговорить с мамой. Но... получила сотрясающий ответ, который буквально выбил почву из-под ног, мысли из головы, слова с языка, – «Сама виновата, стерва! – отвечала пьяная мать, – чего ты его дразнишь? Он с похмелья, знаешь, какое желание имеет?! Ты не ребёнок уже, пора надлежательнее прикрывать срамоту, да вымя своё! А то отрастила дойки, корова! Не дай бог, согласишься на что, клянусь – убью! И чтоб не виляла больше задом, а то, клянусь – в интернат для трудных подростков сдам!»

Девушка тогда убежала к реке, долго плакала, хотела сперва утопиться, к счастью, быстро передумала, планировала сбежать из дома, тоже не сделала этого, по простой причине – жалела мать! Уверена, что без неё та пропадёт, либо отчим убьёт в очередной пьяной драке, либо сама отравится, а так, она, дочь, окажется рядом в нужный момент, присмотрит... глядишь, там и мама пить бросит. Обида за сказанное Аллой, конечно, разъедала изнутри, но отказываться от матери Поля не собиралась: заставляла себя верить – это слова не мамы, а «Зелёного змия», правда, разум подсказывал иное.

Обращаться в органы опеки, которые и так искоса посматривали на Горегляд, Беда тоже не собиралась – лучше плохо жить в вонючем доме алкашей, да с матерью, чем отправиться в чужой, казённый. Однако мысль избавиться физически от «вселенского зла» – Вениамина, из-за которого, по мнению Полины, случились все невзгоды, в том числе бедность и алкоголизм матери (небезосновательно) – осела в голове девочки прочно. Духу только не хватало.

14 апреля 2019 – го года мама Полины ненадолго прервала запой и уехала на шабашку в райцентр. Вениамин, очухавшись к обеду после ночного сабантуя, увидел из своей комнаты (дверей не было) Беду: та делала уроки, что-то чертила и плотно прижималась грудью к столу, чем-то это завело Загорулько, он не стерпел. Кряхтя поднялся, ощутил в горле спазм, в животе – огонь, даже симптомы похмелья отступили! Глаза резало страшно, захотелось прижаться к падчерице, тереться об неё, шептать на ушко безумные вещи.

Горегляд видела боковым зрением – алкаш поднялся, он, стараясь меньше скрипеть по пересохшим доскам пола, плавно двигался в направлении к ней. Девочка старалась не реагировать на Загорулько: продолжала имитировать решение домашних заданий, на деле – молилась про себя, чтобы этот треклятый пьянчуга шёл «до ветру» во двор. Полина ошиблась!

Приблизившись к падчерице вплотную, отчим запустил свои мерзкие «щупальца» под её руками и ухватился за грудь. Веня сжал её сильно, сделал больно этими ужасными, немытыми и жёлтыми от курения папирос пальцами. Поля оторопела, ей казалось: всё не взаправду – это происходит не с ней! Захотелось резко проснуться, она зажмурилась и мысленно повторяла: «Проснись! Проснись, дурёха!» – нет, она бодрствовала, от окончательного осознания реальности дыхание спёрло, лёгкие на мгновение встали, кажется, и сердце перестало сту-

чать. Отчим сопел и горячим потоком воздуха обдавал нежную шею Горегляд, потом начал по ней водить шершавым, суховатым от перепоя языком. Наконец, Беда пришла в себя, её глаза вперились на вазу, цветов которая не держала полвека, девочка схватила хрусталь и, ловко вскочив, шарахнула со всего размаху Вениамина по голове: немытая, оранжевая от табачного и печного дыма ваза, разлетелась мелкими осколками о пропитую голову Загорулько. Веня закричал, но вопреки ожиданиям и стереотипам, полученным Полиной от фильмов, что смотрела на подаренном соседями телевизоре, не потерял сознания, только растерялся на время.

Девочка использовала драгоценные секунды заминки и бросилась к выходу, открыла первую дверь в «сени», там, больно ударившись правой ногой, опрокинула ведро с мочой (ночью отчим использовал его вместо туалета, выходить лень на двор), не обращая внимания на боль в берцовой кости, школьница повернулась вправо и буквально запрыгнула в ветхую пристройку над крыльцом. Поскольку ту пристройку отчим делал пьяным из строительного хлама и картона (не фанеры, картона!), Горегляд, не рассчитав на адреналине сил, не успела остановиться в крохотной будке и повернуть вправо, к последней, тоненькой дверце, а влетела прямо во фронтальную стенку, снеся её своим скромным весом в 42 кг (в исправительной колонии поправится до 50-ти, с алкашами голодала), выпала на улицу.

Веня очухался, придерживая рукой окровавленную голову, выбрался из хаты, нырнул в пролом пристройки и двинулся на падчерицу: та лежала на земле, девочка исцарапала локти, колени; развернувшись, Поля задом поползла в глубину двора. Преодолев метров пять, Беда упёрлась спиной о стальной штырь: он торчал в неплодоносном огороде (кто-то во времена СССР накидал туда много штукатурки и прочего мусора).

– Теперь, стерва, – шипел отчим, – я тебя силой возьму! По праву заслуживаю!

Это фантастика! Откуда-то в истощённом от неполноценного питания организме Полины появилась огромная сила, подросток, вскочив без помощи рук на ноги, ухватила за штырь, выпирающий на метр из земли. Она рывком высвободила из-под тяжёлого грунта стальное «копье» длиной в двести миллиметров, штырь действительно напоминал оружие – заострён на конце, вероятно, специально, чтобы легче забивать в землю, его диаметр составлял три сантиметра.

– Не подходи, подонок! – Прошипела Горегляд, – заколю!

Загорулько усмехнулся, убрал руку от ранки на голове и оскалится, в нём заиграл «звериный инстинкт»:

– Давай! – развёл он руками, как бы подставляя тело под удар, – бей, ну! Чего ты? Ссышь?! Знаешь, как у нас на зоне говорили? «Взялся – ходи!» Ну? – он приблизился к падчерице на расстояние шага и, обведя покрасневшим от крови пальцем воображаемый круг на своём солнечном сплетении, добавил, – сюда бей.

Она и ударила! Вложив в неокрепшие мышцы все резервы организма. Полина, словно древний охотник из старого фильма, налегла на штырь и вонзила его ржавый, с кусочками земли, заострённый конец в тело ненавистного Загорулько. Её не учили разить вражеского солдата винтовкой со штыком, девочка интуитивно поняла – надо поворошить «копьем» в теле негодяя. И поворошила вправо-влево, вверх-вниз. Горегляд не помнила: легко кол вошёл или нет, какие звуки раздались при этом? В памяти остались глаза отчима, удивление и страх одновременно читались в них, читались и приносили девочке невероятное удовлетворение. Веня упал на левый бок, захрипел, харкая густой, алой слюной.

Беда смотрела на поверженного негодяя, она испытывала... радость! Восторг, как бы страшно это ни звучало, Поля – гордилась собой, гордилась и не верила в то же время, – «Я – смогла!»

– Ско-ско-ско, – словно начинал петь плясовую, казачью песню (как – гэй-гэй-гэй), выдыхал поверженный отчим, – скорую, вы-вы-вы... вы-зо-ви.

– Скорую, мразь? – пришла в себя, вернее, смогла говорить, на деле, куда больше обезумев, кричала Полина, – скорую тебе, эфебофил⁴ проклятый?! На тебе, – пнула она его ногой, потом ещё, ещё, – получай, – и вдруг снова стопор.

Когда приехали медики с нарядом милиции (их вызвали соседи), девочка молча смотрела на отошедшего к адским кругам Загорулько. В глазах подростка горела радость, удовлетворение, да настолько отчётливо, что выдавший виды мент с автоматом наперевес, подойдя к подозреваемой, отшатнулся от неё, убийцы.

Дальше, как во сне: расспросы милиции, осмотр врачей, ПДНщики долго не могли разыскать мать, наконец, нашли – та сыпала на дочь проклятия, отсеклась от неё за содеянное. Снова медики, психиатры. Полине бы сказать, что Веня пытался её изнасиловать, что у неё помутился рассудок и, вообще, – «она просто защищалась» – гляди бы, легко отделалась! Нет, девушка гордо заявляла:

– Я – здорова! Хотела убить эту шваль и убила! О содеянном не жалею, я не раскаиваюсь, жаль лишь, что нельзя убить его снова разок-другой. Зато на могилу плюну! Обязательно плюну, выйду и плюну! Обещаю.

Мама, убитая горем по любимому, не навестила дочь в застенках ни разу... ни разу! Ни письма, ни звонка, ни весточки. Зато Алла явилась в суд, где заявила, что Вениамин хоть и выпивал немного (что вызвало короткий смешок присутствующего в зале судмедэксперта), он был хорошим и любящим семьянином, падчерицу воспитывал, как родную, и речи, чтобы тот приставал к ней – идти не может! А Полина, негодница, обезумев, взяла и убила хорошего человека, – «Я боюсь её! – рыдая, заканчивала пламенную речь Алла Загорулько перед судьёй, – это больше не моя дочь, она представляет угрозу обществу, в первую очередь – мне! Прошу изолировать её на максимально долгий срок».

Горегляд не извинялась и в суде, также уверенно заявила, – «Я понимаю жестокость и опасность содеянного, но не жалею, что сделала это, верни всё назад – повторила бы! Вину признаю полностью». Странно, женщина-судья не проявила большого сострадания к девочке, впаяла почти на полную катушку: учитывая возраст подследственной и пол, дали Полине шесть лет! Что, при выпавших обстоятельствах, довольно-таки много!

Алла через два года вдруг явилась к дочери на свидание, каялась, просила прощения, уверяла, что больше ни капли спиртного! Стала стучать во все инстанции, дабы её дочь поскорее выпустили.

Отмотала Полина четыре года без малого, освободилась в начале весны 2024 – го, вернулась в посёлок к матери, которая продолжала жить в том же флигеле! Хоть Алла действительно бросила пить, нашла нормальную работу, сделала в домике капитальный ремонт, провела удобства (ещё до газа дело не дошло), жить там Беда, по понятным причинам, не смогла. Она снимала комнату в общежитии, трудилась в магазине, но радости воля не приносила. Потому, не быв на свободе и двух месяцев, Горегляд добровольно отправила заявку в Россию, в недавно созданное «Министерство воспитания и патриотизма», на зачисление её в экспериментальное училище. Полина не надеялась, что ей ответят, послала заявку с мыслью, – «Если не пошлю сейчас, потом буду до старости жалеть, мол, – вдруг взяли бы?» – а её всё-таки зачислили!

О суровом детстве курсантка могла рассказывать капитану долго, тот хоть и боевой офицер, и снайпером под конец службы (в горячих точках) побывал, и выдержка стальная, всё одно: недослушал бы её и уснул!

Горегляд закончила историю, на глазах её проступила влага, а на душе посветлело! Старохватов – первый человек, кому она поведала свою биографию, как на духу, не кривя душой,

⁴ Чрезмерное «влечение» взрослого человека к подросткам.

без утаек, приукрашиваний, подгонки фактов и т. д. короче – рассказала, словно летопись составила, не соврав до последнего слова.

– Такая история! – выдохнула курсантка, – с мамой я, конечно, помирилась... почти до конца. Я общаюсь с ней, скучаю и люблю, но-о... обида крепко засела за тот разговор, когда я ей на отчима жаловалась и, тем более, за суд! Знаю, оно плохо, пытаюсь забыть обиду, простить... не получается до конца! Никак не получается! – по покрасневшей щеке Полины скатилась слеза, – осуждаете меня?

Капитан поднялся, отвернулся к окну и, глядя на оранжевый закат, проговорил через спину:

– Нет. Я хоть и не религиозен, но в писании нашем много мудрого, в частности – «Не суди, да не судим будешь», стараюсь по мере возможности не судить. Чтоб мне тебя осуждать, надо пройти через аналогичное. Сам рос в сложное время, правда, без такого беспредела: меня и сестру мать любила всегда, до сих пор любит. Отец ушёл от нас, да не забывал: приезжал, деньги высылал стабильно. Подобное твоему рассказу, я в детстве видел часто, нередко сам подкармливал ребят и девочек, из «неблагополучных», они часто хлеб просили – давал, а если конфеткой угостить, ты что?! праздник для детей, чьи родители алкаши! Так, «лихие 90 – е» стояли на дворе, оно понятно! Чтоб в «нулевых» и тем более «десятих», подобное творилось, ещё при Батьке! Расскажи кто другой – не поверил бы. Ты не печалься! Зато ты закалённая жизнью, знаешь, до чего алкоголь может довести... всё в твоих руках: если не оступишься, проявишь волю – жизнь удастся, уверяю.

– Спасибо! – Всхлипнула Беда: её действительно подбодрили слова ротного воспитателя, – за понимание.

– Скажи, – повернулся ротный к девушке и, облокотившись локтями о спинку кресла, спросил, – скажи, до сих пор не жалеешь о содеянном? Снова бы убила его?

– Да! – Не выдерживая паузы, уверенно ответила Полина, глядя прямо в карие, пронзительные глаза капитана, до этого она стеснялась встречаться с ним взглядом, теперь не могла понять: «Почему? У него весьма милый и лёгкий взор, если ты с ним „тет-а-тет“, а не из строя на него смотришь!»

Вслух курсантка добавила:

– Знаете, товарищ командир, я понимаю, искренне понимаю: убийство – грех! Это плохо, и-и, поверьте мне, в жизни не смогла бы убить другого человека, но отчим, земля ему свинцом и раскалённых углей ему под зад, он – не человек, он – выродок! А из-за того, что мне пришлось взять грузный грех на душу, убить его, я Загорулько ненавижу куда больше! Даже мёртвого.

– Всё равно не осуждаю, только ты не сильно распространяйся об этом в будущем, людей такое отпугнёт, говори всем, будто искренне раскаялась. К нам скоро священника пришлют, ты и ему поплачься.

– А вас? Вас не отпугивает? И я тоже не особо религиозна.

– Меня сложно удивить и тем более испугать! Сам прошёл через такое... ладно, засиделись мы, скоро ужин, ступай в спальню-строевое. Ах, стой!

– Да? – Опустилась Полина обратно на стул.

– Держи вот, – он достал из нагрудного кармана пачку сигарет, изъятую ранее у Дарьи, и бросил её на стол, – передай Елагиной, после ужина курсантам разрешено подымить. Только чтоб пачку потом вернула, на сохранение. Я не забуду, что передал отраву через тебя. Не дай бог, хоть одну спрячет и попробует ночью в расположении выкурить, пулей на зону отправлю.

– Поняла.

– И-и-и, ещё момент... нет, ладно... ступай, сам разберусь.

Полина покинула кабинет командира с лёгкой душой, помимо «сброшенного груза» из-под сердца, радовало: капитан её не осуждает – это приятно! С другой стороны, немного вол-

новало, то, чему она сама удивлялась, – «Почему я ему открылась? По сути, вижу его первый раз, мы не знакомы и половины дня! Богдан Николаевич явно вызывает доверие, имеется в нём нечто располагающее, неуловимое и оттого загадочное! Интересно, другие девушки аналогично себя поведут с ним при разговоре один на один? Надо обязательно потом с девчонками перетереть на эту тему!»

Искренний рассказ Горегляд произвёл на Старохватова смешанные впечатления, заставил задуматься немного. Он понял – Полина рассказала правду, научился это определять давно. Вообще, Богдан сколько себя помнил, люди к нему тянулись, много кто хотел поговорить, раскрыть душу, а почему? Сам не знает! На войне, так старшие по званию и из соседних подразделений приходили к старшему лейтенанту (или уже капитану) Старохватову в гости, а оставшись наедине с ним – давай «исповедоваться»! Стало ли ротному жаль Полину? Нет, она же не его близкий человек, чтобы искать ей оправдания, верно? Хотя в голове офицера и произошёл «конфликт» представлений, всё-таки он ожидал – его курсантки предстанут такими матерыми зечками, а они – школьницы совсем, ну пусть студентки-первокурсницы по возрасту и мировоззрению. «Беда» – обычная девочка, с трудной судьбой, страшным детством. Понимал Богдан и иное – у Горегляд имелся выбор! Могла же пойти в милицию и наступать на отчима? Могла пойти в органы опеки и «пригласить» их к себе во флигель, чтобы посмотрели, как она живёт? Да, могла! Но не хотела в детдом, надеялась на лучшее и... получила сполна. С другой стороны, – как бы он поступил на её месте?! Неизвестно. Старохватов подумал, – «Нет! Нельзя их жалеть, так и до панибратства недалеко, те, кто чалился в лагерях, неплохо разбираются в психологии, стоит проявить сострадание и сам не замечу, как в туалет их на горбу таскать по очереди стану! Следует им рассказать одну поучительную историю и напомнить, что нет во мне жалости! Вообще, чаще надо это повторять!»

Последнее, что терзало душу капитана из-за биографии Беды – это его любимая дочь! Алиса ведь тоже живёт с отчимом! Ну как подрастёт, станет красавицей (в чём у Богдана сомнений не имелось), а тот негодай, его бывший лучший друг, станет к ней клинья подбивать, подобно Загорулько?! – «Убью сразу, гада! Если узнаю, что хоть раз на неё посмотрел, как на женщину!» – занервничал офицер.

С целью успокоиться, Богдан полез в серый, бронированный сейф, достал оттуда кобуру с табельным оружием – пистолетом СПС «Гюрза» (он же СР-1), расстелил ветошь на столе, вынул «ствол», погладил его нежно, словно одушевлённый предмет – котёнка или щенка, и принялся разбирать – это знатно успокаивает Старохватова, он страстно любит оружие. Кстати, вопрос о вручении табельного офицерам-воспитателям на руки (а не пылить в оружейке училища) вызвал огромные дискуссии. С одной стороны, – мало ли? Кто знает, какой контингент заедет в училище? Вдруг попадутся «бунтарки»? Хотя на этот случай есть целый батальон охраны и внутренние (корпусные) стражи, которых Богдан убрал из своих «владений». С другой, – все люди при погонах, прекрасно понимали: оружие – это не игрушка, оно предназначено для известной цели, – «Уничтожения живой силы противника», т.е. убийства. Следовательно, есть риск, что оно будет применено по назначению. Всё-таки Старохватову позволили оставить при себе табельное, только обязали хранить его в сейфе, без надобности на пояс не вешать и тем более не стрелять (без нужды, не дай бог)! И, само собой, за пределы училища «железо» не выносить. Просто Богдан оставался на неопределённый срок постоянным дежурным офицером в корпусе (потому что живёт там), пускай в нём и была всего одна «рота» из 10 человек. Исходя из этого и из его блистательного послужного списка (и покровительства генерала Березина) – сделали исключение.

– Нет, – буркнул себе под нос капитан, совершая чистку оружия, необходимости в которой не имелось: стрелял-то из него один раз, на зачёте, а чистил уже пятый! – Я Витьку с детства знаю, он хоть для меня и урод навеки, после того, что сделал, всё-таки нормальных ори-

ентиров, Танька ему всегда любя была, вот и не стерпел, а дочери опасности не представляет. Да, не представляет, но по морде ему захватить всё равно надо при встрече.

В дверь постучали.

– Да! – крикнул Старохватов.

– Разрешите? – просунула голову в дверь старшина Белкова.

– Заходи. Вы там справились?

– Так точно! – устало присела Инна на диван, – Жанна последнюю одевает, осмотр прошли. Прикинь, странно, но не у одной из наших нет татуировок!

– Отлично, можем в банды засылать! – шутейно ухмыльнулся ротный.

– Что с Эфкой делать? Она ждёт приглашения на беседу.

Немного подумав, командир ответил:

– Веди её со всеми на ужин, завтра поговорю с ней, устал сегодня. Тем более, до отбоя хочу речь одну толкнуть перед строем.

– Поняла. – Не сводит взгляда старшина с уже собранного пистолета, – это что, «Гюрза»? – восхищённо поинтересовалась она.

– Да.

– Ого! Табельное? Откуда у нас такие стволы? Мне тоже дадут?

– «Офицера» получишь на днях, может, тогда и дадут, – спрятал Богдан пистолет сперва в кобуру, затем в сейф, – откуда он? Мы же элитное училище, что нам, пищали раздавать, потвоему? Ещё вопросы есть?

– Ага, – приняла Белкова виноватый вид, – может, ты сам их отведёшь в столовую, намучилась с ними за день! Домой хочу... с новым мужем (незарегистрированный брак) поругаться хоть.

– Нет, Инна – сама веди! Первого сентября уже получишь звание младшего лейтенанта, потому начинай соответствовать офицерскому статусу – работай! И так тебе спускаю много. Устала она, я отсюда по запаху чую, отчего ты устала. На, – полез командир в верхний ящик стола и, вынув оттуда ароматизированные пластины, бросил их подчинённой, – зажуй, а лучше зубы почисть и веди девчат в столовую... в смысле курсанток.

– Слушаюсь! – недовольно обронила Инна и отправилась выполнять свои обязанности.

Насладиться Старохвату тишиной и одиночеством не пришлось, через минуту снова постучали в дверь.

– Заходи, Ренат! – определил капитан по характерному стуку, кто именно находится в коридоре.

– Освободился? – шмыгнув носом, спросил Керимов.

– Да, заходи.

– Пойдём в чайную или поужинаем здесь? – снял зампотылу кепку и грузно бухнулся на диван, он тоже намаялся за день.

– Здесь. У меня там, – Богдан указал рукой на холодильник, – есть курочка с картошкой, мать сегодня на КП приезжала, угостила. Как раз на двоих.

– Точно курица? – недоверчиво прищурился Ренат.

– Да курица, по костям определишь. Ты обидеть хочешь? Зачем бы я тебя обманывал? Не ешь свинину – твоё, святое право, подсовывать не намерен, я не моральный урод.

– Не обессудь, привычка спрашивать: сволочей много повидал, аж не верится, что с тобой так сдружились. Ин ша Аллах!

Керимов по просьбе капитана полез в холодильник, который стоял в углу, слева от двери напротив шкафа, в этот момент зазвонил телефон.

– У аппарата! – ответил хозяин кабинета и протянул другу трубку, – тебя!

– Достали! – выругался Ренат и, взяв средство связи, долго кричал, мол: «Дайте поесть хоть нормально! Привыкли, что я один за вас всё делаю!»

Старший лейтенант отключился и поставил трубку на место:

– Сказал бы им – Керимова нет!

– Ага, – усмехнулся Старохватов, – а если видел кто, как ты к нам заходил? Да и камер натыкано повсюду, не хочу, чтобы меня во лжи обвиняли.

– Тоже верно! А в расположении камер много? Я только у главных ворот, на первом этаже заметил... ах и на лестнице.

– В коридоре и спальном помещении, ну там только «пролётку» они охватывают, кровати в слепой зоне.

– Ясно! – щёлкнул Ренат дверцей микроволновки из умывальной комнаты, – зачем тебе пирожки понадобились? Обещал рассказать.

– Ой! Да мне надо из двух «вольных» выбрать сержанта, а второй – ефрейтора присвоить, я вот и думаю. Пока склоняюсь к мысли, что Полине «замком» ходить, это та, которую ты видел сегодня у меня. Во-первых – она ни с кем из девок не знакома, мотала срок в Беларуси, следовательно, «кумовства» не возникнет; во-вторых – больше она на командира тянет, чем другая «вольная», Лида. Той я позывной «Эфка» дал, из-за множества «осколков» на лице, ну, пирсингов, чи как их там? Так вот, у неё статья нехорошая: 228-ая, сам понимаешь. Хотя до конца не решил, у Полины тоже статья – убой с особой жестокостью.

– Серьёзно?! – удивился Ренат, – ничего себе, по виду не скажешь. Так, а пирожки-то зачем?

– Проверка своеобразная. Их же одиннадцать штук? Вот я Полине и предложил угоститься, так она сразу: «Прямо десять брать?» Имела в виду, что девочек всех надо угостить, а один мне оставить, т.е. о других думает! Не схватила сразу себе.

– Ооо, интересно ты придумал! Хорошая проверка. А вторая девушка?

– Не говорили ещё с ней.

– Ладно, ну её, службу! То аппетит пропадёт, – предложил Керимов и, произнеся: «БисмиЛях ир-Рахман ир-Рахим», пожелал Богдану приятного аппетита.

«Кстати! – подумал Богдан, – Полина говорит почти на чистом русском, даже без тра-сянки! Только щас дошло, что в ней мне показалось странным».

Глава 5. Не суди, сам не судим будешь

Старшина Белкова всё-таки «просачковала»: уговорила освободившуюся от прямых обязанностей Жанну Ибрагимовну сопроводить курсанток до столовой, сославшись на, – «У меня дома проблемы, муж телефон обрывает!» – Хотя для девочек оно лучше, устали за полдня от криков Инны Геннадьевны, прапорщик тоже нравов строгих (так показалось сперва), зато не кричит, не трогает без причины.

Ужинали в столовой всем училищем, правда, для каждой «роты» отводились отдельные места, поболтать с «соратницами», коих зачислили в другие подразделения, не пришлось, так, махнули друг подружке, кто кого знал, и принялись за горячую пищу.

Курилки, находящиеся за столовой, распределены по корпусам (каждому своя, т.е. три разных), там тоже перекинуться словечком с соседками не пришлось.

Дымили из роты Старохватова не все: шесть из десяти, однако «здоровые» тоже прошли внутрь выкрашенного в зелёный цвет «ларька». Девочки сидели молча некоторое время, на перекур отводилось пять минут, Азарова разрешила задержаться на десять. Курсантки (кто курил), вынимая «бычки» из губ, заскучавших по мужской ласке, останавливают взгляды на тлеющем уголке, задерживают на секунды дым в лёгких и плавно обдают им окурки. Каждая думает о своём, каждая находится мыслями далеко-далеко отсюда.

– Хм, ласточки летают, – прервала тишину некурящая Барвенкова Анна, – откуда они здесь? Вроде мы посреди степи, а ласточки только в городах у нас.

– Наверное, Старохватов завёз специально, чтоб тебя порадовать. – Выпала Елагина и засмеялась. – Кстати! – По-мужицки отщёлкнув фильтр в урну, посмотрела она на Полину, – ты чего молчишь, Беда?

– Что сказать? – с недоумением посмотрела на неё Горегляд.

– Чего так долго сидела у «хозяина»? О чём говорили?

В разговор вмешался сторонний, хриплый голос Востриковой (Эфка):

– Ты его там не оседлала?

И смех наполнил курилку.

– Ой, – застенчиво отвела чёрные очи в сторону Полина, – у вас, бабоньки, одно на уме!

– Ну расскажи, интересно же!

– Просто говорили: обо мне спрашивал, кофе налил, пирожками угощал. Он со всеми так планирует поговорить, тогда и узнаете! Если честно... мне даже понравилось! На мгновение забыла, что я вернулась в неволю...

– Чего там у нас по расписанию дальше? Кто-нибудь, вообще, в него заглядывал?! – Сменила тему Абакумова.

– Когда? – усмехнулась Беда, – но-о, по-моему, личное время, потом просмотр новостей. Как раз подошьясь! – толкнула она Дарью.

У Полины хотели спросить ещё что-то, но прапорщик приказала строиться.

Едва девушки успели умыться, как по расположению разнёсся голос капитана:

– Становись!

Построились немного скрупулёзно: не все запомнили своё место в строю, но терпимо для первого дня. Ротный воспитатель с минуту покопался в телефоне, не обращая внимания на курсанток, затем бросил смартфон в нагрудный карман и обратился к подчинённым:

– Итак! Жалобы, вопросы, предложения – есть? – и сразу продолжил, не дав времени кому-то выдохнуть или обронить и слога, – нету! Отлично. Бог мой! Это что?

Старохватов подошёл к подопечной, обувь которой сильно вымазана.

– Курсант Барвенкова Анна Анатольевна!

– Отлично! – наклонился ближе к ней Богдан, – что надо представляться, вы усвоили! А вот что берцы должны блестеть всегда, почему-то нет. Почему у всех обувь чистая... ну, относительно, а вы, курсант, словно глину месили, пока другие ужинали?

Аня, в отличие от соратниц, имеет завидный загар, именно загар, не смуглый цвет кожи: словно с моря приехала или из солярия вышла (сама объясняла тем, что ввиду её познаний в разных травах, ей позволили трудиться на огороде зоны).

– Так вышло... я уличила момент, покамест все потопали в курилку, и подошла к цветочку на полянке возле неё, хотела сорвать, но товарищ прапорщик меня отругала, и я присоединилась ко всем. Вот, там грязь и нашлась, возле цветочка. Красивого цветочка.

– История – закачаешься! Откуда грязь? Я уж забыл, когда дождь шёл! Ладно, не отвечай. Погоди, так это ты любительница трав, отравительница?

– Люблю травы – да! – склонив голову, Барвенкова добавила, – я никого не травила! Меня осудили ни за что.

– Ох-хо-хо, понятно! Полные зоны невинно осуждённых. Всё, не начинай, бабка Ануйка... позывной будет просто – Ануйка. – Капитан с выжиданием посмотрел на курсантку, ожидая вопроса от неё, его не последовало, – что, знаешь почему назвал тебя именно так?

– Да! Я знаю, кто такая баба Ануйка⁵... читала за неё.

– Отлично! Сегодня ты – моешь полы! Надеюсь, почему именно ты, тоже догадалась! Напарницу мы тебе сейчас найдём. Ты – бегом отмывать обувь, затем отполировать: за душевой есть специальное место, где можно почистить берцы. Это касается всех! Обувь должна быть начищенной всегда, невзирая на погоду. Я потом покажу, как правильно это делать, то знаю вас: половину коробочки с гуталином на левую ногу, другую половину на правую! Не напасёшься. Чего стоишь, Ануйка? Бегом выполняй приказ, у тебя пять минут.

– А чем я их помою?

– Найди! Ты в армии, девочка. И да, чтобы умывальник после мытья чёботов твоих тоже был идеально чистым! – и уже обратился к строю, – как Белкова недоглядела? С такими габунами грязными провела её в распоряжение? Есть же и у столовой, и у корпуса места для чистки! Домой, видать, спешила.

– А нас не старшина сопровождала, – вклинилась Елагина, – прапорщик Азарова.

– Серьёзно?! – удивился ротный, – тогда тем более! Прапорщик, и не усмотрела? Ну я им обоим, выдам завтра. А ты, – обратился он к другой девушке, – составишь Ануйке компанию после отбоя в мытье полов.

– Почему я?! Виновата... курсант Скворцова Наталья Владимировна.

– Потому что в строю руки должны быть по швам, в нашем случае! А не в носу производить имитацию дрели.

– Слушаюсь!

– Отставить смех. В носу не ковыряй, ты девушка всё-таки!

– Поняла.

В распоряжение вернулась Барвенкова (уложила в пять минут), она приятно удивила командира – сделала три строевых шага и, отдав воинское приветствие, спросила:

– Товарищ капитан, разрешите встать в строй?

– Разрешаю. Что ж, раз все в сборе, продолжим наш разговор, который мы прервали днём. Если я повторюсь в чём-то – это не значит, что я забыл, о чём говорил ранее, это значит – «Повторение – мать учения!» Ясно?

– Так точно! – Невпопад ответили девушки, командир не сделал за это замечания: он завис, глядя на смуглую курсантку, что стояла предпоследней в строю. Наконец, взяв в себя в руки, приблизился к ней, – представьтесь.

⁵ Отравительница конца 19-го, начала 20-го века из сербской деревни Владимировца, была арестована в возрасте 90 лет.

– Абакумова Екатерина Викторовна! – С недоумением пожала она плечами, ведь представлялась уже, хотя быстро догадалась в чём причина: она переделалась в форму, командир мог и не узнать потому.

– Ах, Вьюга! прости, в форме не угадал, – подтвердил догадку Кати Богдан, – скажи, у тебя сестры не было родной? Или иной родственницы, кто служил в армии по контракту, кто воевал?

– Нет, – несколько отшатнулась от ротного воспитателя Абакумова.

– Ясно... просто напомнила в мундире дико кое-кого... думал... ладно, забили!

– Почему была? – уточнила Екатерина.

– Потому что... она «вечно молодая» теперь. Закрыли тему.

– Почему вы меня Вьюгой называли? – не отстала от командира девушка.

Ответил Старохватов не сразу: он не сводил глаз с лица Кати, кого-то она действительно сильно ему напомнила, разворошила жгучие угли боли из прошлого.

– Фамилия – Абакумова? – наконец ответил капитан, – Абакумов – это СМЕРШ, СМЕРШ – похоже на смерч, но вам и так достаточно мужских наименований, потому будешь «Вьюгой».

– Ясно! – Соврала Екатерина, на деле она ничего не поняла, но исходя из природной молчаливости, переспрашивать не стала, без того сегодня (по своим меркам) необычайно много сказала, истратила «боекомплект» слов на неделю вперёд.

Заведя руки за спину, Старохватов продолжил:

– С чего начать? Хочу, чтоб вы правильно меня поняли, я не собираюсь бросать камень в ваш скворечник и тому подобного, нет! Желая поговорить «без свидетелей», в роте только вы и я остались. Понятно, беседы наедине, как сегодня у нас с Бедой прошла, будут со всеми, но это займёт определённое время. Поведаю сейчас историю из детства, вы жизнь повидали, взрослые не по годам, потому расписывать нечего, поймёте. Пик моего детства пришёлся на конец девяностых – начало нулевых, тогда в стране творилось не пойми что! Короче, на моём районе, здесь же, в Водопьяновске, люди жили разные! как «неблагополучные» семьи, так и более обеспеченные. Помню с улицы двух паренёков – одноклассников, они на пару лет старше меня, но, общался я с одним из них неплохо, он нас держался, у нас компания собралась, кто за «правду» стоял, мы мечтали военными стать, милиционерами, короче – Родине служить. «Бригаду» хоть и смотрели все взахлёб, всё же культа «блатарей» не возникло. У них, двух парней этих, жизнь протекала просто зеркально: родители-алкоголики, безденежье, скандалы, драки, стыд хронический и так далее. После они подросли, один из них учиться продолжил, а ночами, да по выходным, ну, в свободное время, работал – деньги добывал! Сестрёнку растил из последних сил, родителям не до того было. А второй пошёл по наклонной. Воровать и грабить проще же, чем честно жить?! Тем более, оправдание удобное – «Я из неблагополучной семьи, пожалейте меня!» И этот второй, однажды напал на первого, одноклассника своего, да с ножом, тогда телефоны как раз пошли, кнопочные, чёрно-белые такие. К счастью, выжил первый паренёк, быстро оправился, мы до сих пор изредка с ним видимся. Суть в чём? На коленях потом ползал «второй», да мать его, протрезвевшая: «Не пиши заявление, вы же в одном классе учились!» – пожалел он его, не стал писать, но, лучше б «посадил», всё равно зарезали «второго» в пьяной драке потом. В чём суть моей истории?

– Что сложное детство, – ответила Горегляд, – не может служить оправданием преступления?

– Почти! – похлопал в ладоши капитан, – суть такова: выбор есть у каждого! Порой сложный, порой трагический, но! Один зарабатывает честно, живёт в натяг, другой почему-то решает – если он может схватиться за нож, то он сильнее, то он прав, ему всё сойдёт с рук. Я вас не осуждаю, – усмехнулся ротный, – не подумайте. Не суди, сам не судим будешь! Как гласит мудрая книга. Не могу судить и потому, что не знаю: как бы я повёл себя на вашем

месте? Однако имеется куча примеров из жизни, как из моих двух знакомых, когда при равных обстоятельствах, люди поступают по-разному! Та же война: один струсил, а другой... тоже боялся, но подвиг совершил! Та же «Блокада», один свою руку отрезал и дочь накормил, другой соседского ребёнка топором зарубил... судить, несмотря на наше «Писание», вас будут всегда, везде и все! Почти все, кроме меня, и тех, кто разделяет схожие взгляды. И судить вас станут те, кто не понимает вас и не поймёт никогда, так как выросли в «тепличных» условиях! Повторюсь, есть в истории примеры, на них «судьи» и станут опираться. Вывод, к чему я это рассказал, каждая сделает для себя сама, не озвучивайте мне. Договоримся так! что случилось до того, как вы попали в моё распоряжение, то прошлое. Конечно, вы о нём расскажете... надеюсь, искренне, но-о... оценивать я вас стану с сегодняшнего дня, как вы себя поведёте, как будете «исправляться». Да, я не верю в исправление в лучшую сторону, постарайтесь меня переубедить.

– Постараемся, – неуверенно сказали несколько курсанток, другие ответили, – «Да или хорошо».

– Теперь о насущном. Распорядок, думаю, вы не выучили! Сейчас у вас свободное время, я его занял, ничего страшного. Отбой в 22—00, помните, что целый час после отбоя запрещается вставать в туалет, по двое туда ночью тоже не ходить! Нечего переговорные пункты устраивать.

– Разрешите обратиться? Курсант Елагина.

– Я помню, кто ты. Ну?

– А если очень-очень захочется?

– Пацанам бы я ответил – «Узлом завязывай», вам не знаю... терпите. За час до подъёма тоже нельзя, время у вас с подсветкой, – указал ротный в сторону часов на фронтальной стене спального помещения (всем видно с кровати). – Станете нарушать эти правила – начну закрывать ворота в спально-строевое помещение после отбоя, думаю, этого никому не хочется?

– Никак нет.

– Отлично. Что ещё? Наряда постоянного, у нас не будет, хотя сегодня две особы уже вызвались на него, тем не менее чтобы вы знали – в случае бодрствующего наряда, а тем более дежурного по роте, они обязаны записывать в специальный журнал, он лежит в тумбочке: кто и во сколько вставал, долго ли провёл в туалете? Кто громко кашляет ночами... разберёмся по ходу. Дежурный или в отсутствии него – дневальный, в нашем случае, вообще, кто-либо из суточного наряда, имеет право обратиться ко мне по необходимости в любое время суток. Понятно, если дежурить станет другой офицер, то к нему. Если выпадет случай, что и офицера/прапорщика... короче из командного состава в расположении никого нет, то наряд или будущий младший сержант из ваших, имеет право воспользоваться внутренним телефоном. Он тоже на тумбочке! Голосовые команды, куда и как звонить, найдёте там же. Это я так, в общих чертах и своими словами объяснил, то вижу, уставшие вы, потом, конечно, во время занятий, научитесь, как правильно действовать, завтра и начнём обучаться.

Смартфон в кармане Старохватова зазвонил, он вытащил его, посмотрел на экран и расплылся в улыбке.

– Да, родная моя! – Ответил Богдан.

Девушки подумали: «Жена? Любовница? Надеюсь, не Белкова?» – капитан быстро утолил их любопытство, продолжая говорить:

– К школе уже подготовилась? Всё есть? Денег могу снова выслать... ах, хорошо. Погоди секунду. – Отведя телефон, ротный сказал курсанткам:

– По распорядку – просмотр новостей, берите стулья и смотрите, Елагина – не забудь подшиться! С плазмой, думаю, справитесь сами. И не дай бог, кроме новостей у меня вздумаете чего-то смотреть! Я проверю, задам вопросы о том, что говорили сегодня о политике. Да, если кому в туалет надо – пожалуйста, но не толпой. Всё, скоро вернусь. – И, продолжая

говорить с дочерью, с невероятно довольным видом и «гражданским» лицом, ротный удалился в кабинет.

– Не думала, что он может быть таким милым! – Усмехнулась Елагина.

– Сама в шоке! – Поддержала её Беда и пошла искать пульт от телевизора, исходя из логики, он должен находиться в тумбочке под «плазмой», остальные курсантки потянули стулья от кроватей на «пролётку».

– Давай, включим нечто интересней «Вестей»? – Предложила Дарья Полине.

Беда задумалась, пожала плечами и неуверенно ответила:

– Не знаю... сказал же: проверит! Вроде только о доверии говорил и так сразу – «залёт»?

– Пусть проверяет! – Стоит Елагина на своём, – по новостям десть лет одно и то же крутят: президент, санкции, конфликт! Я без проблем ротному конспект напишу и через год, чего там показывали по его новостям. Как там Щедрин, то ли Карамзин говорил? – «Разбудите меня через двести лет, и я скажу, что делают в России!» так и у меня, только с новостями.

– Давайте, правда! – поддержала Вострикова.

– Ай, была не была! – Рубанула Полина рукой воздух.

Девушки успели выключить телевизор, прежде чем Старохватов зашёл в спальню-строевое помещение.

– Убрать стулья! – Скомандовал он, – так, вы двое, что в наряде, почему вместе со всеми? Наряд у нас живёт «своей жизнью». Ну ладно, сегодня у нас демоверсия, бегом за швабрами, ведрами, начинаем уборку, пропорции разбавления воды и «химии» найдёте в таблице, она висит на двери кладовой, там же и необходимые средства.

– Есть! – отозвались курсантки.

– Остальные – становись!

Дождавшись, пока девушки построятся, Богдан спросил:

– Чего показывали в новостях?

За всех ответила Елагина, причём попала в точку! Будто правда посмотрела вечерний выпуск. Ротный засмеялся:

– И это всё вам показали по «Дачному» каналу в дешёвой мелодраме?

– Мы не смотрели такого! – с ходу соврала Дарья, – какой такой канал?

– Здесь он на восемнадцатом настроен.

– Как вы узнали?! – удивилась Горегляд.

– Я всё знаю! И потом, камеры застают телевизор и «пролётку», ещё «родительский контроль» у меня имеется, я в курсе, что вы смотрите! Вот и как мне вам доверять? А? Отключу нафиг все каналы, кроме первого, и в день, когда вам положено смотреть художественные фильмы, будете лицезреть, как несколько горлопанов орут друг на друга об одном и том же десятый год. Думал, и неофициально порой вам разрешать что-то смотреть... вижу – рано.

– Виноваты! – приняла прокажённый вид Елагина, – это я всех уговорила...

– Ты у меня сегодня прям нарядов на пять вне очереди запрашиваешься, плюс на запрет курить. Что подшила – молодец. Сегодня иду на уступки, не наказываю вас, настроение хорошее. Кстати, где подшиву взяла?

– Так, вы же сами сказали старшине, чтобы обеспечила...

– Я помню! – Прикрикнул капитан, – просто проверяю: помнишь ли ты? Да, Горегляд! Насчёт курения... пачку ты мне вернула, в ней не хватает аж восьми сигарет, куда дели?

– Но мы... – захотела оправдаться за Беду Даша, ротный её перебил.

– Не с тобой говорю! Я Горегляд вручал пачку? Да! Ей поручил вернуть? Да! Вот она и отвечает.

– Курили просто многие, и товарищ прапорщик разрешила по две... а сигареты оказались только у Даши и ещё двух девочек.

– А у них отравы откуда взялась и куда потом делась?

– Сдавали Азаровой по прибытии в роту... это просто я от вас одну спрятала... честно. – Всё-таки вставила Елагина слово, – что мы потом смолить будем? Завтра нам с натягом хватит, а потом? Здесь не выдают?

– Нет, – ехидно ответил Старохватов, – разумнее надо расходовать «боеприпасы». Что делать? Мой совет – бросать! А так, у вас стипендия будет, размер её зависит от «репутации», оценок и прочего... станете заказывать мне или прапорщику, мы купим, куда вас девать... при условии хорошего поведения.

– Ооо, – протянула недовольно Даша, – когда её дадут ещё? Даже карточек банковских нет.

– Заведём тетрадь, типа «бухгалтерии», – внёс ясность Богдан, – на первое время одолжу вам денег, так и быть! Со стипендии отдадите. Повторяю, при условии хорошего поведения, не как с новостями вышло!

– Извините, – изобразила более виноватую гримасу Елагина, – вы всем по вкусам станете брать?

– Ага, щас! И подкуривать каждой прибежать! Какие возьму, такие возьму! Помню, когда сам срочку служил, у нас бойцы «Перекур» тянули, говорили: «Дрянь – редкостная!» Станете выпендриваться, достану вам по благу его.

– Поняла.

– Что у нас по распорядку? – задал Богдан вопрос в «пустоту», не обращаясь к кому-либо конкретно, однако Полина ему ответила:

– Вечерняя поверка.

– Да? Ну её в баню! Видно же: все на месте, надеюсь, никого не подменили в столовой?

– Никак нет! Все наши! – отрапортовала Беда.

– Верю. Тогда давайте: умывание, душ, естественно, по очереди, а не по две туши в пять кабинок. Кто в очереди на водные процедуры или уже их завершит – займитесь самоподготовкой. Без пятнадцати десять, подготовка ко сну. Всё. Наряда это не касается, передайте им. Отставить! сам их проинструктирую. Вопросы?

– Что в нашем случае означает самоподготовка? – уточнила Елагина, – форму гладить, в порядок себя приводить?

– В нашем случае... делайте чего хотите! Только тихо и без нарушения устава. Хочешь – почитай, если умеешь, хочешь, форму погладь, бытовка открыта; вещи какие в тумбочке своей разложи, спортзал у нас есть, хочешь – сходи... только потише там и ДО душа, а не после! Вообще, самоподготовка обычно после обеда... у нас особый случай, да и я здесь решаю, что и когда. Это касается всех, не только Елагину, ну, что я перечислил. Разрешил бы вам и телик посмотреть, но-о... не заслужили, равно как и перекура! Курилку не открою сегодня, а планировал, но нет! Сигареты Елагиной не выдам до утра. А Азаровой нет на месте. Смотрели неуставное «мыло» все? Значит, все и виноваты. И прошу – не шумите! Вам же лучше, если я останусь в хорошем настроении. Ещё вопросы?

– А можно... ой... разрешите повесить на дверце тумбочки фотографию сына? – поинтересовалась Барвенкова, – я спрашивала у Белковой, она сказала у вас уточнить.

Сперва от её вопроса ротный воспитатель опешил, потом вспомнил:

– Ах, Ануйка, у тебя ж малолетний ребёнок есть, только, – он хотел добавить, мол: «Сочувствую, что тебе не дают его видеть», вовремя передумал, не стал сыпать соль на рану, – только аккуратно повесь, не скобами, которыми брёвна крепят, присандаливай. Скотчем тоненьким, его в бытовке найдёшь. Остальным тоже: фотографию родителей, возлюбленного, друзей, допускается повесить, чтоб без энтузиазма. И никаких «звёзд», тем более забугорных, только ваши близкие. Всё! Разойдись! Время не ждёт.

Первый, необычайно длинный для «арестанток» день в «исправительном спецучилище с военным уклоном №1» подошёл к концу. Старохватов подождал, пока курсантки прыгнут по кроватям и, скомандовав, – «Отбой!» – выключил свет. Богдан хотел поиграть в «три скрипа», передумал: во-первых, – койки новые (и современные), раздражающих звуков не издают; во-вторых, – за день девочки без того познали много нового, хватит с них, и сам ротный знатно вымотался; в-третьих, – «затворницы», едва устроившись по спальным местам, затихли – ни переговоров, ни смеха, ни переворачиваний поудобнее – фантастика! Конечно, новые подушки, матрасы, стены и антураж, «необкатанные» койки, запах свежего белья и статическое электричество от ткани ощущали все, как и прочие неудобства: кому слишком мягко, кому твёрдо и т. д. Невзирая на вышеперечисленное, девушки смолкли! Дело не в усталости моральной и физической, не в страхе перед капитаном, его они уже приняли за своего, больше уважали, нежели опасались, нет, дело в ином – каждой хотелось побыть наедине с собой, пусть не в физическом смысле, в духовном: подумать, дать волю внутреннему диалогу.

Старохватов подозвал Скворцову и Барвенкову, которые закончили мытьё полов на лестнице, любезно открытой командиром для наведения порядка. В слабом, ночном освещении коридора Богдан заметил – наряд замаялся! Да, девочки не то чтобы устали, скорее замотались и при большом желании, не смогут изобразить радость и бодрость на юных, милых лицах.

– Всё помыли? – шёпотом спросил капитан, – проверять надо?

– Так точно! – тихо отозвалась Ануйка, – не надо, мы в этом деле поднаторели давно.

– Ладно, у меня в кабинете завтра протрётё. Вообще, наряд должен быть суточным, и спать в нём позволяется не больше четырёх часов. Поскольку у нас «демоверсия» – идите, отбивайтесь. Умойтесь сперва. Ах да! Если утром подъём скомандую не я, а Белкова или Азарова, то скажите им, что вы в наряде, на завтрак со всеми не ходите, отдельно отведу вас.

– Поняли.

Наталья с Анной тихо прошли в спальное помещение к своим кроватям, они догадались – никто из подруг не спит: все, используя одеяло в качестве ограды от внешнего мира, погрузились в мысли. Думы вроде у девочек разные, но впадают в одно русло грёз: любовь, минувшая и предстоящая, свобода, и без сомнений для каждой – счастливое будущее. Кто мечтает о доме, тоскует по близким, и каждая, нет-нет, да проводит запоздалую «работу над ошибками» в своей жизни.

В расположении почти темно, слабый свет исходит из коридора, от зелёной подсветки электронных часов, немного из-за окна. Курсантки смотрят сквозь стёкла, сквозь прозрачную броню и стальные решётки, там вырисовывается звёздное небо, зарево далёкого города на горизонте, огоньки высоких зданий Водопьяновска, телемачта. А гул трансформаторной будки с улицы, эхо строевого шага батальона охраны, чьи-то выкрики, лай собак – они не отвлекают, напротив, идеально вписываются в общую картину. Ощущение тоски? – Да! Лёгкой и приятной тоски, не отчаяния! Ведь верят – впереди ждёт исключительно хорошее, горя хапнули на две жизни вперёд, судьба задолжала им, через три года придётся ей расплатиться по всем счетам сполна! Мечты, терзания и прочие мысли плавно перетеки в сладкие объятия Морфея.

Богдан тихо прошёл в расположение, подопечные уже крепко спят: кто-то из девочек сопит, кто-то шепчет во сне.

– Отбой, рота. – Прошептал Старохватов и, плавно ступая, направился в канцелярию.

Выпив перед сном чайку, ротный поставил на ноутбуке научные рассказы о космосе, после разделся, присел на кровать и, глядя на графин с водой, сказал ему:

– Да, Богдан, прав генерал, не хватало тебе этого на гражданке! Пусть и в таком, своеобразном, «обрезанном» виде. Отбой, без пяти минут майор.

Заснул капитан быстро, однако мирным отдыхом, в отличие от своих воспитанниц, офицеру насладиться не пришлось: вечернее напоминание в лице курсантки, так похожей в форме

на его погибшую сослуживицу – Алёну, подняли в подсознании страшные картинки войны, гибель подчинённой снайперши, её предсмертные слова. Разгорелись угли подзатухшей вины, вины за то, что не смог уберечь сержанта... а осознание, что не виноват и ничего поделать не мог – не спасает.

Глава 6. Вострикова

Крик Белковой прервал драгоценное «путешествие» домой методом крепкого сна, пускай нереального путешествия, спутанного в деталях, временного, приятного и одновременно тяжёлого, оттого что останется томное чувство под ложечкой на весь день после пробуждения. – «Рота подъём!» – орала в любимой манере старшина, громко и раздражительно. Абакумова с Елагиной переглянулись, «ментально» говоря между собой, – «Разбить бы горлопанке табурет о чердак!» – вскоре, Даша по методике Старохватова присвоит Инне позывной – «Зенитка», он приживётся.

– Быстрее, быстрее! Чего возитесь?! – Не переставала выть голосовая сирена в лице взводной (официально заместителя).

Первый подъём даётся нелегко: никто из курсанток не проснулся заранее, не сработали биологические часы, как это случалось в лагере, девочки не сразу осознали – где находятся, что происходит? На раскачку командирша времени не оставила, быстро привела подчинённых в чувство, отогнав почти все их мысли, все, кроме одной, засевавшей в каждой, судимой голове, – «Скорее бы этот день пролетел и снова в кровать!»

– Смирно! – скомандовала Инна при появлении в спально-строевом помещении командира роты.

– Вольно! – прикрывая ладонью рот, протянул капитан. Одет офицер опрятно, весь подтянут, и то, что Богдан поднялся с постели всего минуту назад, говорит лишь его сонное лицо, – Инна, ты чего так кричишь?! С ума сошла? Я чуть с кровати не упал. Чего ты орёшь вечно? Они в трёх метрах от тебя! – озвучил капитан то, что «арестантки» второй день мечтают услышать.

– Да я... я не знаю, голос у меня такой. – Начала оправдываться Белкова.

– Мне не рассказывай! Потихе радио настрой, не на полигоне, нечего орать. Или ты боишься, что генерал забудет о твоём офицерском звании и, таким образом, напоминаешь ему о себе, чтобы слышал тебя аж в штабе?

– Виновата, исправлюсь.

– То-то! Действуйте согласно распорядку. – Посмотрев на наручные (наградные) часы, Богдан добавил, – шесть тридцать восемь, через семь минут зарядка. Проведёте её в спортзале на нашем этаже, на улицу до поры не выводим их... за исключением столовой. Да, эти двое, – указал Старохватов на Барвенкову и Скворцову, – у нас в наряде, их припахай по назначению. Всё! После утреннего осмотра Эфку ко мне на беседу, на завтрак её и наряд сам свожу, мусор выбросить не забудьте по пути в столовую... хотя отставить, наряд вынесет.

– Слушаюсь.

– И не ори так больше! – ротный протянул пачку сигарет (изъятую у Елагиной) Полине и удалился.

Перед уходом из спально-строевого Старохватов ненадолго задержал взгляд на лице Абакумовой, сразу вспомнил недавнее, тяжёлое сновидение, и, подумав, – «Боже! Как она похожа на Алёну!» – отправился в канцелярию: тревога на душе не стихла, следовало капитану отвлечься, разумеется, работой.

Запах хлорки от вымытых с вечера нарядом ступенек не успел выветриться до сих пор – знатно девочки постарались! Семь курсанток достигли середины лестницы, тут раздалась команда старшины, – «Внимание на проходе!» – в корпус зашёл подполковник Валева, согласно уставу, девушки посторонились, пропуская старшего по званию.

– Куда собрались? На зарядку? – старался Семён Сергеевич делать голос и выражение лица дружелюбными.

– Никак нет! – отрапортовала Белкова, в её покрасневших глазах читается недоумение, – на завтрак, согласно распорядку.

– Ах, точно! – показательно хлопнул себя по лбу подполковник, – а я хотел с курсантами побеседовать... ладно, приём пищи – святое дело. Командир на месте?

– Да.

– Стойте! – не унимается дотошный замполит, – позвольте вопрос: почему их всего семь? Если мне не изменяет память, а она, как и моя жена, никогда мне не изменяет, курсантов должно быть десять!

– Ротный наряд поставил. – Постаралась Инна Геннадьевна отвечать без неприязни, очень уж она не любит Валеева (как и все в училище).

– Вот, Богдан Николаевич! Узнаю, узнаю мастера – сразу за дело! оно правильно. Ладно, пойду к нему, вас не задерживаю.

Подполковник поднялся на второй этаж, открыл ворота и едва не столкнулся на пороге с Востриковой. Лида от растерянности отскочила на тумбочку дневального, испуг курсантки имеет оправдание: ранее она нарезала круги возле канцелярии, волновалась, – «О чём именно пойдёт беседа?» – стеснялась говорить Старохватову правду о своей жизни, потом настраивалась, уже готова пройти, но... командир не вызвал! Потому встречи с малознакомым офицером, Эфка испугалась.

Валеев принял Вострикову за дневального, молча смотрел на неё в ожидании команды, не выдержал:

– Что нужно сказать при появлении офицера в расположении роты? – обнажил Семён Сергеевич ряд мелких, требующих вмешательства стоматолога зубов.

– Курсант Вострикова! – отрапортовала Лида.

– Не-е-ет! – почти по-отцовски протянул подполковник, – в роте кто из старших офицеров?

– Капитан Старохватов!

– А я – подполковник! Генерал сегодня не заходил к вам?

– Никак нет.

– Тогда напоминаю: следует подать команду – «Смирно!», если я приду к вам сегодня второй раз, тогда уже – «Дежурный по роте на выход!» Ну?

– Сми-и-ирно! – Пропела Лида, имитируя интонацию из одного военного сериала.

– Молодец, только говорить надо чётко, одним словом – «Смирно!» – мы не на хоре.

На команду вышел ротный воспитатель, они отошли с замполитом в сторонку, о чём-то пошептались, Вострикова не расслышала всех слов, поняла только: Валеев хотел поприсутствовать на их беседе «тет-а-тет», Богдан его отбрил.

– Чего стоишь? – обратился Старохватов к Эфке, когда подполковник покинул расположение, – я тебя жду, жду, а ты здесь слоняешься.

– Я думала, вы меня вызовете.

– Постучать не пробовала? Ладно, – открыл капитан электронным ключом дверь кабинета, – прошу.

Лидия робко шагнула внутрь, встала справа у шкафа, заслонив собой домофон: она не стала утолять любопытство и рассматривать антураж, сразу опустила глаза в пол, и без того бледная кожа Востриковой приняла оттенок мела. Богдану показалось – курсантка дрожит, словно на экзекуцию её пригласили.

Богдан прошёл в своё кресло и оттуда возмутился:

– Чего стоишь?! Бить тебя не стану, проходи и присаживайся, стул вон стоит, – он указал влево, за диван, – бери. Да смелее ты.

Через пару минут в дверь постучали, на пороге показался Керимов с тазиком, завернутым в синий пакет.

– Ас-саляму алейкум! – поприветствовал Ренат, – держи свои пирожки. Скажи, я тебе пекарь, что ли?

– Алейкум салам. Погоди! – поднял Богдан указательный палец к потолку и посмотрел на телефон, – раз, два, три... странно!

– Чего? – не понял старший лейтенант.

– Обычно, когда ты ко мне заходишь, сразу звонит телефон и меня спрашивают: «Керимов не у вас?»

– Ой, ну тебя! Я помолюсь в бытовке? Там же чисто по-прежнему?

– Пойди, конечно! Ещё чище, чем вчера, наряд постарался. Только не отвлекай нас, беседа приватная намечается.

– Принял.

Зампотылу покинул кабинет, ротный снова обратился к подчинённой:

– Кофе, чай?

Лида не ответила, что-то пробурчала и утвердительно закивала головой.

– Не робей, курсантка! Хотя ты и не истребитель. Значит, чай. Угощайся, – Богдан развернул тазик с пирожками, Вострикова молча взяла один.

«Проверку „на сержанта“ не прошла!» – отметил капитан.

Налив чай подопечной, а себе крепкого кофе, Старохватов вернулся в кресло и продолжил:

– Рассказывай! Посмелее.

– Что именно?

– Горегляд не говорила, о чём мы беседовали с ней?

– В общих чертах, – вроде несколько ободрилась Лида.

– Тогда давай, с самого начала: родилась, училась, судилась, побрилась, ха-ха-ха.

Извини...

Вострикова Лидия Юрьевна родилась 17 декабря 2004 – го года в Воронеже. Вопреки стереотипам, воспитывалась Эфка в благополучной семье: отец много работал, почти не пил, деньги приносил приличные в дом и трудиться маме (Тамаре) не приходилось – она домохозяйка, которая много времени уделяла воспитанию дочери. Имелись у девочки бабушка с дедушкой в деревне, к которым на лето Лида приезжала до 13-ти лет с большим удовольствием, после... через силу! Подростковый (или предподростковый) возраст брал своё, гормоны били, интересы менялись.

В семье Востриковых главной являлась мама, она же и была «строгой», отец, конечно, подкаблучником не стал, всё же, сильно жене не перечил, однако дочь никогда не наказывал, баловал всячески, из-за чего порой происходили перепалки с супругой, мол, – «Ты ангел, а я тираниха у нас! Я её за дело наказываю, а ты балуешь! Я ей сказала: никакого планшета, если хоть одна тройка в четверти выйдет, а у неё их аж пять! Ты его взял и купил! Странное наказание, не находишь?»

Для пушего примера, об отношении отца к дочери, можно привести следующее: Лида, как девочка весьма избалованная, после 13-ти лет начала искать «новых ощущений», ввязалась в компанию постарше себя, не сказать – плохую, среднюю. Понравился Востриковой один мальчик и решили они подружиться поближе, связаться организмами. Вышло неудачно! У Лиды пошло кровотечение внизу, остановить его самим не получилось, пришлось вызвать скорую. Естественно, врачи сообщили Тамаре (и родителям мальчика), что стряслось. Ох и ругала мама дочку! Правда, к чести Востриковой-старшей, не была подростка, и претензий родителям набедокурившего парня не выдвигала. Она тогда сказала:

– Вот отец придёт с работы, обрадуем его твоим «взрослением»! Тут даже наш добряк не удержится, вместо очередной безделушки всыплет тебе наконец-то ремня, и пулей в деревню к свекрови отправит!

Юрий пришёл в тот день поздно, настроение у него оказалось не самое лучшее, тут ещё новость про «подвиг» кровинки. Дочка сидела в зале с мамой, плакала, молча выслушивая нотации Тамары. Батя подошёл к Лиде, обхватил её за плечи, громко произнёс:

– Родная, ты понимаешь, что ты натворила? Так нельзя, нельзя! Посмотри на маму, ты не видишь? Ей же завидно-о!

Супруга не сразу поняла смысл сказанного мужем, когда осознала, гнев её резко переключился с дочери на любимого:

– Юра! Ну ты дурак?! Нет, честно – дурак! вот как с тобой можно говорить-то по-человечески?! Ой, ну вас! Надо вина выпить, чего с дураками говорить?

– Том, Тома! – Побежал за женой муж, – да подожди, – старался он говорить серьёзно... не получалось: вырывались смешки, – да ладно, чего такого? Обратного не вернёшь сделанного, убить её теперь? Наоборот, надо разъяснить о мерах безопасности, Тома!

– Иди ты, дурка кусок!

От подобных поблажек Лида делалась более избалованной! Вскоре появилась новая компания, новая «любовь до гроба» и-и... последнее её пристрастило к запрещённым веществам. Начиналось, как обычно, – «Попробую разочек и всё!» – Сколько судеб погубило это ошибочное мнение, – «Со мной так не будет, я особенный (ая)!». И родственное тому понятие, – «В жизни надо попробовать всё», – тоже до добра не доводит. Не довело оно и Лиду, втянулась девочка в губительное дело. Денег, которых отец на карманные расходы выделял значительно (уж для подростка – точно!), стало не хватать для возрастающих потребностей организма к отраве... потому Вострикова не придумала ничего лучше, чем заняться распространением «медленной смерти». Поставщики яда, как нередко случается, в один прекрасный день слили курьера. При аресте у Лиды нашли значительное количество запрещённых веществ и... дальше понятно.

Почему родители до последнего не замечали отвратительной привычки дочери? Психология! Порой мы не видим того, что нам неприятно, сами создаём для себя идеал в другом человеке, пускай и настолько близком, наслаждаемся им, «идеалом», и даже если кто-то прямо скажет, постарается открыть глаза на правду – не поверим! Аналогичное вышло с Востриковыми.

Перед судом отец изменился до неузнаваемости, про маму и говорить нечего! Самое больное для Лиды – батя её проклинал! Впервые долго и обидно кричал на Эфку, говорил, – «Всё для тебя, всё! Одно табу было у меня, ты знала о нём – никаких дурманов, ни-ка-ких! Ты же знаешь моё отношение к ним из-за брата! Я ведь говорил? Сто раз говорил: не дай бог, поймаю тебя на этом – убью?! Говорил! Греха на душу, конечно, не возьму, но ты мне больше не дочь! Моя любимая дочурка умерла, а убила её – ты! Чуждая мне девица – убила мою дочь, когда впервые ввела в себя эту отраву!» – слово батя держал долго. Да, они приезжали с мамой на свидание в зону к Лидии... лучше бы сидели дома! Холодная встреча, словно с чужими людьми, нет, даже не с чужими, незнакомцы тебе безразличны, а скорее – с врагами. Обижалась ли осуждённая на отца за сказанное, за сделанное им? Конечно! Хотя на подсознательном уровне понимала – он прав.

По истечении срока заключения отношения Лиды с родителями вроде чуть наладились, правда, жила Вострикова у бабушки с дедушкой, не тех, что в деревни, у родителей мамы, в Нововоронеже. Собственно, потому Эфка и направила заявку на поступление в экспериментальное училище, батя сказал, – «Закончишь его, реабилитируешься, и если больше ни капли отравы в твоей жизни, прощу!» – Каких бы обид в прошлом на родителей ни имелось, Лида

мечтала наладить с ними отношения, вернуть всё как было, пускай и понимала, что при самом лучшем раскладе, «как раньше», уже не вернуть.

– М-да! – выдохнул Старохватов, когда Вострикова окончила рассказ, – не знаю, чего и сказать.

Богдан уловил в покрасневших, влажных глазах Лиды надежду, надежду на то, что он несколько утешит её, приободрит, нечто ёкнуло в чёрствой душе воина, сжалился. Капитан не сразу решил: как именно «оптимизировать» девушку? Предпочёл зайти издалека:

– Отца твоего понять можно. У меня самого дочь, ей девять лет скоро, в декабре, я и мысли допустить боюсь, что она к чему-то такому прикоснётся. Не знаю, как бы я себя повёл на месте твоего бати, если честно, и представлять не хочу. Наверняка он скучает по тебе, любит и верит в исправление, как и ты, хочет вернуть былое – уверяю. Дети растут, ничего с этим не поделать. Сам такой, знаешь, мечтаю порой, чтоб дочка рядом всегда была, дома ждала, загадываю под «падающую звезду»: вырастит моя Алиска, перестанет от матери зависеть, переедет либо прямо ко мне, либо поближе, часто станет навещать, делиться мыслями, вместе планы строить примемся и так далее. Мечтать не вредно! Я ж понимаю, вырастит она, учёба пойдёт, друзья и подруги, потом работа, семья, дай бог, чтоб с хорошим, дельным мужиком! Я б тогда с внуками нянчился, подобно твоим дедушке с бабушкой из деревни. Твой батя, того же хочет, поверь. Так что, стисни зубы и исправляйся! Отца увидишь, подвинь гордость, извинись перед ним, заверь, что всё исправишь, время есть.

– Когда я его ещё увижу! – грустно хмыкнула Эфка.

– Седьмого сентября.

– В смысле?! – Удивилась Лида.

– В прямом! Заявку заранее подают на посещение, вот, седьмого сентября у нас, точнее, у вас – присяга. Твои родители заявили, что желают прибыть, мы им пропуски выпишем.

– Правда?!

– Конечно, таким не шутят.

– Ура! – резко поднялось настроение у Востриковой, – надо подготовиться, стать лучше, чтоб с иголки... нам же разрешат форму подшить?

– Не разрешат – обяжут! Кстати, раз тему завели... я тебя планирую каптёром сделать, соответственно, звание ефрейтора присвоить, знаю, оно в народе «непочётное» – это глупости, особенно если учить историю! Станешь Азаровой помогать, плюсы в должности тоже имеются, уж поверь: каптёрка в твоём распоряжении, на кое-чего я глаза прикрою, чаи сможешь гонять чаще, при правильном ведении дел и уважение среди своих заработаешь, да и среди наших. Заодно большой плюс к отношению родителей, звания-то присваивать будут аккуратно седьмого числа, хоть это и странно, в день присяги сразу повышения раздавать присягнувшим, тем не менее оно так. Родители увидят – их дочери доверяют здесь, повышают, тогда больше поверят в твоё исправление.

– Спасибо! Конечно, я согласна!

– Только не говори не кому пока о «ефрейторе», договорились?

– Обещаю – не скажу! Можно ещё пирожок взять?

– Конечно, ешь и иди. Наши вернулись уже, скоро тебя с нарядом поведу в столовую, завтракать. Аппетит не перебьёшь?

– Никак нет!

Старохватов вывел трёх курсанток из корпуса, построил их за собой в колонну по ранжиру, и, приказав, – «Походным шагом, за мной!» – не спеша, повёл в столовую. Ротный несколько раз останавливался по дороге, разговаривал со знакомыми офицерами, чем радовал подопечных – тем надоело сидеть взаперти, а здесь прогулка! Погода отличная, последние

дни лета, девочки наслаждались красотами «заповедника», глубоко вдыхали степной воздух, шурились на солнышко.

Перед «финишем», навстречу Богдану вышел командир (начальник) училища.

– Смирно! – крикнул капитан.

– Вольно, вольно! – улыбнувшись, махнул снятой фуражкой Березин, – ить, пройти спокойно не дадут по территории, одно мне почести отдают.

– Статус обязывает! – поздоровался за руку с генералом Старохватов.

– Я, кстати, к тебе шёл, а ты, вижу, наряд в столовую ведёшь? Наслышан о твоей бурной деятельности: Валеев доложил, нахваливал тебя сегодня! В пример остальным ротным ставит, говорит: «Учитесь у Старохватова, с ходу за дело берётся!» Вот я и надумал посмотреть, чего у вас там в расположении. Семён Сергеевич, так сказать, раздражил. Ладно, в другой раз загляну, ить, дел полно. Ты после ужина зайди ко мне, есть разговор.

– Слушаюсь! Но ведь сегодня в четыре и так совещание у вас, вы же приказали явиться.

– Ох, точно... ить, там людей много будет, помимо нас, а я хочу наедине поговорить.

– Принял.

В столовой помимо персонала и начальника пожарной охраны, больше никого не оказалось. Богдан определил подопечных за один из столиков, отведённых под его первую роту, и направился к добродушной поварихе по имени Люся, друзья зовут её – Люсьен. Это полная, добродушная женщина лет сорока, она всегда улыбалась либо смеялась; увидев Богдана, искренне обрадовалась:

– Какие люди, ещё с охраной! Чего вас мало так? Ой, а худенькие девоньки у тебя какие, ай-яй... сейчас, тётя Люся вас накормит, сверху добавки положит! Осталось много еды.

– Наряд мой! – Улыбнулся в ответ Старохватов и, приблизившись к повару, о чём-то с той пошептался. Взяв поднос с пищей для себя, присоединился к подполковнику Сидорову за офицерский стол.

Курсантки, принимаясь за пищу, подумали, – «Наряд – это не наказание, а красота! Существуеть отдельно от других, Белкова не тревожит, в столовую отдельно водят, дают добавку, в спину никто не гонит, можно спокойно покушать! Хоть специально делай больше нарушений, дабы в наряды влетать», – конечно, девочки не догадывались – они ошибаются! Это поначалу Старохватов их бережёт, плавно вводит в армейские реалии, а потом... возьмётся за настоящее воспитание.

После столовой ротный собрался вести наряд (и Эфку) напрямик в расположение, но Скворцова, к слову, самая высокая девушка из первой роты, напомнила командиру, поняв, что останавливаться у «зелёного ларька» тот не намерен:

– Товарищ капитан! А наш «законный» перекур?

– Ой, – резко остановился Богдан, – забыл! Ладно, перекурите, и да, после слов: «Товарищ капитан», ты забыла добавить – «Разрешите обратиться?»

– Виновата...

– Травитесь, чего ждёте?

– Нам нечего, – стыдливо произнесла Вострикова и опустила глаза к асфальту.

– Что ж вы такие проблематичные?

Из столовой вышел начальник пожарной охраны, Старохватов окликнул его, Сидоров подошёл.

– Огонь в курилке распустили? – Усмехнулся подполковник внутренней службы, – зовёшь гасить?

Сидоров Анатолий Сергеевич – это среднего роста мужчина, лет 35 – ти, хотя его возраст достаточно сложно определить навскидку: с одной стороны, – телосложения он спортивного (без трудовой мозоли в виде пуза); с другой, – волосы с обильной, едва ли не старческой проседью, насмотрелся ужасов на службе, видать, оттого и начал рано сидеть. Лицо Толика смуг-

лое, левая щека имеет небольшой ожог, да и морщины имеются, но в глаза это не бросается, не портит подполковника – всё «колоритно»; взгляд и улыбка – хорошие, отзывчивые, сам он общителен, умеет рассказывать и слушать: с подобными людьми, даже человек не любящий рыбалку, согласиться пойти забросить удочки в выходной день, за компанию.

– Нет! Сигарет хотел одолжить, – наделано засмутился капитан, после обратился к подчинённым, – сколько из вас лёгкие садят?

– Все трое! – хором соврали курсантки, ведь Ануйка ЗОЖ.

– Кошмар! – беззлобно выругался Старохватов, – начнём скоро бросать. Ну, дашь три штуки? Буду должен.

– Я бросил давно! – Серьёзно ответил Сидоров, доставая при этом из правого, нагрудного кармана пачку.

–носишь тогда зачем? Силу воли тренировать? – Усмехнулся Богдан.

– Нет! Боец из батальона охраны курил, прикинь, прямо у бочек с горючим... тут я мимо проходил, дал нагоняй, пачку изъяс. Да забирай всю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.